Кадетская ПЕРЕКЛИЧКА

№ 13

1975

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов, Нью-Йорк, США

№ 13 Нью-Йорк 1975

Художественная обработка А. Н. Родзевич

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine (3-4 issues yearly)
Published by Association of Russian Cadets graduated
outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $7.00 USA for one year
$2.50 USA per single copy

Managing Editor
Paul Olferiev
4187 Frame Place.
Flushing, N. Y. 11355 U.S.A.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АНОНС

В ближайшее время выйдет грамофонная пластинка концерта (16 февраля 1975 г.), посвященного творчеству

ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА
АВГУСТЕЙШЕГО ПОЭТА К. Р.

Цена пластинки $ 10.00. Заказы, чеки, денежные переводы выписывать на имя Секретаря Объединения Михаила Михеева и посылать по адресу:

MICHAEL L. MIHEYEV
43-18 Robinson Street
Flushing, N. Y. 11355 U.S.A.

Редакция «Кадетской Переклички» с искренним прискорбием сообщает о смерти двух ближайших, самоотверженных сотрудников, которые с самого начала существования журнала старались всячески его улучшить, увеличить и как можно более широко распространить среди кадет.

28 июля 1975 года скончался инженер

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ БАСОВ

кадет Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса, корректор журнала в Монреале, где таковой и печатается. Выражаем искреннее соболезнование супруге покойного

Марии Ильинишне Басовой
дочери и зятю Лидии и Александру
Перекрестовым
с сыновьями и всем родным покойного.

---

27 августа 1975 года скончался

ЕВГЕНИЙ МИТРОФАНОВИЧ РУБАНИСТЫЙ

кадет Крымского и Первого Русского Кадетских Корпусов, представитель журнала на всю Канаду.

Выражаем искренее соболезнование супруге покойного

Марии Александровне Рубанистой
сестре Татьяне Митрофановне Бертье де ла Гард
и всем родным покойного.

Кадеты никогда не забудут своих однокашников

ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ

Некрологи о почивших в главе Памяти ушедших.

Гостинница "Шантеклер" — место предполагаемого 5-го Съезда

Представители 3-х Объединений осматривают всю территорию

ПРЕЗИДИУМ
4-го СЪЕЗДА КАДЕТ
Российских Зарубежных Кадетских Корпусов
8-го октября 1975 г.

Г.Г. Председателям кадетских организаций.

Президиум 4-го Съезда в своем заседании 8-го октября с. г. разобрал поступившие два предложения о устройстве 5-го Съезда: одно от О.К.О. в Монреале — Канада и другое от П. Величко с предложением устроить Съезд в Мексико Сити, Мексико.

И нашел, что, принимая во внимание наибольшую скученность кадет на восточном побережье С.Ш.А., более приемлемым местом является Канада, которая также ближе всего к центру рассеяния кадет.

Поэтому:

Президиум 4-го Съезда

извещает,

что 5-ый СЪЕЗД КАДЕТ РОССИЙСКИХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ состоится в Монреале — Канада с 8-го августа 1976 года.

За всеми дальнейшими подробными информациями впредь обращаться непосредственно в О.К.О. Монреаля, по сл. адресу:

Mr. W. I. SMUNCHILLA
159, ROSEMONT AVE.
WESTEN, ONT.
CANADA M9N 3C2

Председатель Президиума *А. Громыко*
Секретарь *А. Истомин*

Исправление: В № 12 «Кадетской Переклички», на стр. 4, помещен Сонет — Кадетам к Съезду 1974 года — без подписи. Автор Игорь Автамонов. Открывая первое отделение Концерта декламацией произведений Августейшего поэта К. Р., Игорь Автамонов прочел «Отворил я окно» и «Колокола», а затем приветствовал Съезд своим сонетом. Приносим автору наши извинения.

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

ХАБАРОВСК - С. ПЕТЕРБУРГ. *

В начале июня 1906 года произошел первый вылет оперившихся птенцов из своего гнезда. Расправив молодые крылья, они отправились в далекий перелет — от места слияния Амура и Уссури, к берегам Невы.

По распоряжению Главного Управления Военно-Учебных Заведений, в 1906 году выпускные воспитанники кадетских корпусов должны были прибыть в военные училища, куда они были назначены, к 1 июня, в лагери. Во исполнение этого распоряжения, Хабаровский кад. корпус отправил кадет своего второго выпуска в Европейскую Россию, в сопровождении воспитателя 7-го класса, в то время еще подполковника Н. Я. Навроцкого К эшелону были приданы фельдшер и, в качестве служителя, рядовой из команды солдат корпуса.

Все ехавшие кадеты были уроженцами Сибири и о России они знали лишь по книгам и из курса географии. После прощания с родным корпусом, в котором прошли восемь лет их жизни (в составе корпуса был приготовительный класс), отслужили молебен и отправились на маленький Хабаровский вокзал, где заняли места в вагоне 3-го класса «для учащихся».

Поезд тронулся и перед окнами вагона замелькали станционные постройки. Город остался позади, все быстрее и быстрее делался бег паровоза, замолк его последний гудок и можно было сказать — «и дорога предо мной далека, далека!»

На станции «Манджурия» была пересадка. Здесь начальник эшелона должен был приобрести на всех проездные билеты до Москвы и С. Петербурга, т. к. в Хабаровске билеты продавались только до ст. Манджурия. Необычайное появление большой группы молодых людей в рубашках с погонами и в форменных фуражках вызвало большой интерес среди вокзальной публики. Еще больший интерес вызвала покупка билетов, которые выдавались из неогороженного оконца временного деревянного барака. Начальник эшелона уплачивал за билеты большие деньги и за этой денежной операцией следило много жадных глаз. Смешанная толпа, где много было монгольских лиц, заключала в себе, без сомнения, немало хунхузов, как на Дальнем Востоке именовались разбойники, воры и вообще по-

*) Из воспоминаний офицера-воспитателя Хабаровского графа Муравьева Амурского кад. корпуса, полковника Николая Яковлевича Навроцкого.

дозрительные типы. Но подполковник Навроцкий мог не опасаться кражи или потери денег среди вокзальной суеты, т к. около него была охрана — несколько сильных кадет взяли на себя задачу зорко наблюдать за толпой и быть готовыми. Дальнейший рассказ пойдет уже от лица самого подполк. Навроцкого.

Прибыли в Харбин. Жара, в нашем вагоне 3-го класса градусник показывал плюс 42° по Реомюру. Я разрешил кадетам, внутри своего вагона, при задернутых оконных занавесках, не стесняться костюмом и это создало забавный инцидент. Боковое место около входной двери вагона занял кадет восточного происхождения, смуглый, крупный, с густой черной растительностью на теле. Многие путники, в поисках места, пытались проникнуть в наш вагон, но кадеты указывали им на надпись на вагоне — «ученический» и они уходили искать себе другие места. Но особенно упорной оказалась одна не старая крестьянка. На все, что ей говорили кадеты, стоявшие на площадках, она не обращала внимания и решительно поднималась по ступенькам, волоча свою поклажу. Кадеты не хотели пускать ее и позвали слодата, который ехал при эшелоне, чтобы он силой помешал крестьянке проникнуть в вагон. Но я решил принять другие меры: «Пустите ее», сказал я кадетам, «она сама уйдет, увидя что в вагоне нет частных пассажиров».

И, действительно, когда она открыла входную дверь и шагнула в вагон, ей еще на пороге предстал упомянутый кадет-кавказец в костюме «для купанья». Она остановилась, оглянула полуобнаженных молодых мужчин-пассажиров, и с возгласом — «вот черти!» бросилась назад, чуть не упав со своим мешком. Дружный хохот кадет заглушил ее возгласы негодования.

По эшелону назначались дежурные. Они проверяли число кадет по отходе поезда со станций, следили за тем, чтобы кадеты не сидели на площадках вагона и во время тушили свои свечи, при которых им разрешалось по вечерам читать. До часу ночи дневалил я сам, от часа до 3 ч. ночи — солдат, от трех до шести утра — фельдшер. Дежурства и дневальства были необходимы чтобы в эшелоне продолжал бы чувствоваться военный уклад жизни.

В Хабаровске мне был поручен маленький кадет, которого переводили во 2-й класс Первого корпуса в С. Петербурге, где у него был родственник в Главном Управлении Военно-

Учебных Заведений. Я занимал в кадетском вагоне скамейку в крайнем пролете вагона и поместил этого кадета на скамье перед собой. Мальчик был недоволен и добивался непременно занять место среди кадет 7-го класса. И, вот что случилось. Было около 1 часа ночи. Я вижу, что кадет этот встает и собирается выйти, очевидно, в уборную. Я последовал за ним. Он открыл дверь не в уборную, а на площадку вагона, который сильно трясло и бросало. Была темная ночь; я оставался около него, пока он не ушел снова спать. Когда на следующий день я указал ему на то, что могло бы случиться, если бы он вышел на площадку, он убежденно заявил мне, что он спал всю ночь и никуда не выходил.

Не меньшей заботы и внимания требовало от меня еще присутствие в соседнем вагоне молодой пассажирки — институтки 5-го или 6- го класса из Хабаровска, которую, как едущую в Иркутск, тоже поручили моему вниманию. Она помещалась в дамском отделении вагона 3-го класса, но на всех вокзалах и остановках бывала окружена кадетами и мои опасения, что девичий «шарм» может оказаться сильнее дисциплины, вскоре получили подтверждение. Но об этом после.

В пути все шло хорошо. Все были здоровы. Довольствовал кадет артельщик, выбранный ими из своей среды. На питание было отпущено по 1 рублю в сутки на человека и деньги эти, на один день, я по утрам выдавал артельщику. Много интереса вызывали у кадет покупка продуктов на остановках, выбор съестного, составление «меню», раздача провизии. Денег вполне хватало, все были довольны. Кипяток добывался на всех больших остановках. Курение я допускал только в одном месте — на задней площадке вагона, при закрытых дверях. Это требование почти не нарушалось.

На одном из перегонов Манджурской жел. дороги, тогда еще не вполне законченной, около двух часов ночи, меня удивило небычно быстрое движение вагона, что сопровождалось сотрясением и качкой вагона и сильным стуком колес. Внезапно вагон остановился. Это было так неожиданно и резко, что многие из тех, кто был на ногах, попадали. Я вскочил со своей скамьи и почувствовал, что вагон стоит в наклонном положении. Мы все тотчас же вышли из поезда. Ночь была тиха, светила луна, мы стояли в поле. Оказалось, что паровоз врезался в землю и стал, наклонившись на бок. Ряд выгонов, в том числе и наш, сошли с рельс, а несколько товарных вагонов, ближайших к паровозу, столкнулись и получили повреждения. Крушение произошло

на одном из поворотов пути, вероятно потому, что поезд под уклон шел слишком быстро. Продолжать путь мы не могли. На другой день наш состав отвели назад, на маленький полустанок, где надо было оставаться до исправления пути.

И вот здесь произошло следующее: стараясь не стеснять кадет, я все же помнил инструкцию и не прекращал наблюдать за ними. Я заметил (это было в послеобеденное время) отсутствие одного из них. Не увидел я также и Хабаровскую институтку. Поручая другим кадетам найти его и послать ко мне, я подмечал у них какую-то нерешительность. И только через полтора часа этот кадет предстал передо мною. Оказалось, что барышня в обществе кадета гуляла вблизи станции. В это время какой-то отдельный паровоз разводил пары и машинист предложил этой барышне прокатиться на отстоявшую недалеко станцию, куда готовился «бежать» паровоз, а потом вернуться на нем же. Вместе с ней поехал и наш исчезнувший кадет. Из этого эпизода я сделал большое «дело», сказав что об его проступке посылаю со станции телеграмму директору корпуса, которого прошу протелеграфировать решение Педагогического Комитета в Москву где нам предстояло остановиться в Александровском военном училище.

На пути к Омску встревожило меня растерянное и озабоченное выражение на лицах у кадет. Оказалось, что один из них, доставая с пола бутылку из под молока, уронил ее. Бутылка разбилась об железную ножку скамьи и стекло порезало кадету руку выше локтя. Фельдшер сделал ему перевязку, но признался кадетам, что порез серьезен и что у него нет средств остановить кровь. Это и встревожило его товарищей. До большой станции, где можно было бы получить нужную медицинскую помощь, оставалось еще около двух часов пути. Тогда я предложил тем из кадет, кто был физически сильнее, в течение этих двух часов, сменяясь, сильно как кольцом сжимать пальцами руку пострадавшего выше пореза, прекращая этим доступ крови к ране. Это было ими исполнено и кадет, близкий уже к обмороку, был перевязан на вокзале. Все обошлось благополучно.

Наконец перевалили Урал, двигаемся к Волге. На одной большой станции наш эшелонный солдат, с большим чайником для воды, побежал взять на вокзале, в кухне, кипятку. Там он замешкался и услышав, что поезд начинает двигаться, бросился скорее к нему и вскочил на площадку вагона. Часа черзе два он мне для чего-то понадобился, но его в поезде не

оказалось. Я не только лишился его услуг, но должен был наблюдать за его шинелью и сундучком при пересадках. Пришлось телеграммой уведомить жандарма той станции, что наш солдат не сел в наш поезд, и просить направить его в Москву, в Александровское училище.

Подъехали к монументальному мосту Императора Александра III через Волгу. Предложил кадетам пропеть хором «Вниз по матушке, по Волге», песню, которую они певали в корпусе, не представляя себе все величие этой реки.

И вот, наконец, Москва. Мы выгрузились, но мое намерение отправить кадетский багаж с вокзала, на подводах, в Александровское училище, оказалось неосуществимым: нет солдата, который сопровождал бы багаж. Пришлось нанять и нагрузить телеги, и мы все пешком, по тротуару, последовали за ними. Стоял жаркий день. И когда мы вступили в прохладные помещения Училища, тотчас стали беспрерывно постукивать подъемные стержни громадных ротных умывальников из красной меди: мои кадеты стремительно бросились к ним, помыться с дороги.

Большие, светлые помещения, на стенах щиты с кирассами и палашами времен 1812 года, горячая пища, чистое постельное белье на кроватях с матрацами... Какой восторг! Бодрые, свежие, аккуратно одетые, выступили со мной кадеты на следующий день, на осмотр достопримечательностей города. После обеда, я отпустил их одиночным порядком на прогулку в город и из отпуска все явились в срок. Кадеты наперерыв делились со мной впечатлениями. Они рассказали со смехом, как в одной лавке, где они смотрели товар, торговец спросил их, что означают на погонах буквы «Х.К.» (Хабаровский Корпус) и кто они? Когда они себя назвали кадетами, торговец приветливо сказал им: «Так вы кадеты! Спасибо за ваши выступления в Государственной Думе!»

Наш солдат, наконец, нашелся и его торжественно привели ко мне. В руках у него большой чайник для воды. Оказалось, что в суете он сел в поезд, который шел к Уралу и обратно приехал с большим трудом. Жандарму удалось устроить его на «скорый» пассажирский поезд, идущий в Москву, но т. к. в таких поездах нет 3-го класса, ему пришлось всю дорогу помещаться на тормазе, как он мне доложил. Пожурив его, я все же высказал ему и похвалу, т. к. порученного ему чайника он не утратил.

Приятно мне было выслушать от начальника Александровского училища, которому перед отъездом из Москвы я представился в лагере, о прекрасном впечатлении, произведенном на семьи служащих училища кадетами Хабаровцами своей благовоспитанностью. Действительно, за время трехдневного пребывания в Москве, я не имел повода высказать кому либо из них какого нибудь упрека за поведение.

В С. Петербург мы прибыли утром. Так как я, чтобы выгадать время, выехал из Хабаровска без точного распределения кадет-хабаровцев по военным училищам (я должен был получить его в Москве и знал только о тех, кого должен был оставить в Александровском училище), то был вынужден поехать в Главное Управление Воен. Учеб. Заведений, оставив кадет на Николаевском вокзале. Приведя себя в порядок в номере Офицерского Экономического Общества, надев китель с орденами, я отправился на Васильевский Остров. Туда же повез маленького кадета, моего соседа по месту в вагоне.

О моем приезде с выпускными кадетами было доложено Вел. Князю Константину Константиновичу, который был в это время в Гл. Управлении. По желанию Великого Князя, я представился Его Высочеству и сделал доклад о путешествии, о том что все приехали здоровыми и бодрыми; на вопрос Великого Князя о том, где сейчас кадеты, я доложил что они на Николаевском вокзале и, в ожидании меня, сидят в вестибюле на своих сундуках и чемоданах. Так оно и было в действительности, т. к. по приходе поездов на вокзал, зал для ожидания 3-го класса закрывался.

Великий Князь приказал снабдить меня нужными сведениями и с ласковой улыбкой сказал: «Так кадеты сидят на чемоданах? Спешите к ним». Протянув мне руку, Великий Князь отпустил меня.

Кадет я застал там же, на чемоданах, в тоске и нерешительности, что делать без меня. Мое появление их оживило. С нетерпением ждали они решения своей участи — кого и куда зачислили. Кадета, назначенного в Николаевское Инженерное училище я направил в Ижору, а с остальными выехал в Красное Село, для передачи их в училища: 1-е Военное Павловское, Михайловское Артиллерийское и Николаевское Кавалерийское. Так началась уже для них новая жизнь, действительная военная служба.

Сообщил П. Гаттенбергер.

ВЛАДИМИРСКИЙ КИЕВСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Старшенство: — 10 декабря 1851 года ст. ст.
Престольный праздник: 10 декабря ст. ст.

В 1846 году Имп. Николай I задумал основать в Киеве Кадетский Корпус для укомплектования русской Армии образованными, знающими свое дело офицерами. Дворянство Киевской, Волынской, Подольской, Таврической и Херсонской губерний собрали капитал в 200.000 рублей на постройку здания, в котором должны были воспитываться преимущественно уроженцы юго-западного края.

10 апреля 1847 года у наследника цесаревича Александра Николаевича родился сын Вел. Князь Владимир Александрович. Поднося капитал на постройку здания корпуса, дворяне просили о наименовании нового военно-учебного заведения Владимирским в память рождения государева внука.

В 1847 году государь Имп. Николай I посетил Киев и тогда же лично выбрал место для будущего здания Корпуса, отдав громадный участок земли в собственность Корпуса. Участок

находился за городом в здоровой, живописной местности с громадной рощей и прудом. Постройка здания была поручена известному тогда архитектору Штрому.

10 декабря 1851 года в приказе по Корпусу был объявлен список малолетних, принятых на воспитание. Официальное открытие Корпуса произошло 1-го ЯНВАРЯ 1852 года, в предоставленных казармах пех. полка. Первым директором был назначен Полк. ВОЛЬСКИЙ, на долю которого выпало и устройство Корпуса, и строительство, длившееся почти 5 лет. 17 августа 1857 года кадеты впервые вступили в свое новое прекрасное здание. Громадному зданию была придана форма буквы «Н».

В 1858 году когда в Корпусе уже были сформированы, кроме пяти общих классов, оба специальных для подготовки офицеров, ему даровано было Знамя, с которым юнные кадеты уже в следующем 1859 году парадировали перед Имп. Александром II.

В 1863 году было последнее производство в офицеры, непосредственно из специальных классов Корпуса и в этом же году, кадеты окончившие 5-й и 1-й специальный класс, были отправлены во вновь сформированные военные Училища.

В 1865 году Корпус был превращен в Военную Гимназию. Строевой состав упразднен и назначены воспитателями гражданские лица.

В 1866 году Имп. Александр II восстановил наименование Владимирского Киевского Кадетского Корпуса и были организованы пять рот, а штатские воспитатели были заменены офицерами.

В 1916 году состоялся последний «царский» выпуск кадет. В 1917 году в марте Временное Правительство переименовало Корпус в Киевскую Военную Гимназию, а в ноябре месяце Корпус временно прекратил занятия. Последним директором был ген. лейт. СИМАШКЕВИЧ.

Директорами Корпуса с его основания были: — полк. Вольский, полк. Слуцкий, полк. К. П. Шуцкий, ген. майор Г. П. Кузмин-Караваев, Н. П. Ющенов, П. А. Алексеев, ген. майор М. Г. Попруженко; инспекторами классов: — артиллеристы-академики: Половцев, Севастьянов и Лукашевич.

В 1918 году с приходом в Киев Добровольческой Армии генерала Деникина Корпус был восстановлен под своим старым историческим именем и продолжил прерванные во время большевиков занятия.

В 1919 году, при подходе большевиков к Киеву, Корпус был эвакуирован в Одессу в здание Одесского Корпуса, и был размещен в тех помещениях, которые занимали Полочане до слияния с Одесситами, но как автономная и самостоятельная единица. Из-за краткости совместного пребывания с Одесситами, к сожалению, не было достигнуто то тесное единение, которое проявилось между кадетами Полоцкого и Одесского Корпусов. Это единение пришло значительно позже.

В 1920 году в январе, Корпус вместе с 1-ой ротой и 2-ой полуротой Одесского, и двумя классами Полоцкого Корпусов, был эвакуирован из Одессы под огнем большевиков, сначала на английском крейсере «Церес», а в дальнейшем на огромном, переполненном беженцами, транспорте «Рио Негро».

В 1920 году в феврале, после долгого плавания по морям, «Рио Негро» причалил в порт Салоники, откуда поездом Корпус был перевезен в Королевство СХС (будущая Югославия), где совместно с Одесситами положил основанию 1-го Русского Кадетского Корпуса.

Среди Георгиевских Кавалеров следует отметить окончивших Корпус: Сосновского, Макарашвилли, Гурковского, Кривцова, Евреинова, Духонина (фельдфебель выпуска 1885 г. и Главнокомандующего Русской Армией зверски убитого большевиками в 1917 году), Дроздовский, Богаевский и Манштейн. Перечень далеко не полный.

ОТЛИЧИЕ :

Гвардейское Знамя пожалованное Имп. Александром II, 13 апреля 1858 г.

ФОРМА :

ОБЩЕ КАДЕТСКАЯ. Белые погоны с желтым трафаретом «В. К.» Черная фуражка с красным околышем и белым кантом на тулее. В 1-й строевой роте у кадет на поясах штыки.

СТОЯНКА : КИЕВ.

ЗНАМЕНЩИК В 1917 году: В. у. оф. Рожанский.

Сообщил: *А. Политанский.*

КИЕВ - ОДЕССА

С начала революции в России, с февраля 1917 года и до конца 1919 года, когда корпус был эвакуирован в Одессу, власть в Киеве переходила из рук в руки не менее десяти раз. За эти три года жизнь корпуса то замирала, то снова оживала, но в общем судьба к Киевскому корпусу была более милостива, чем ко всем другим корпусам, которые, из-за революции, много раньше совершенно прекратили свое существование.

В первые же дни революции левый писатель Амфитеатров поместил в газете «Киевская мысль» статью под названием «Волченки», в которой он травил Киевских кадет за то, что они не надели красных бантов на общем параде в честь революции, не опозорив ими своих белых погон. Правда в эмиграции он прозрел, прочтя книгу Зурова «Кадеты», и публично покаялся, признавшись что: — «Не знал я Вас господа кадеты, честно признаюсь, и только теперь осознал глубину вашего подвижничества.»

После происшедшей революции, жизнь корпуса продолжалась по инерции вплоть до января 1918 года, когда Киев был занят большевиками, заменившими власть «Украинской Центральной Рады», так называемой «Директории». Власть исчезла, а с нею и наш духовой оркестр, который украинские сине-жупанники выпросили временно для какого-то предстоящего парада, обещая потом вернуть. Хорошо, что в Корпусе было два комплекта труб.

Во время водворения большевицкой власти корпус подвергся обстрелу. Был убит кадет Первого Корпуса Ольшанский, незадолго до того прибывший к нам в Корпус. Он находился в глубине классного помещения и был убит пулею в голову. Вся кафельная печь, около которой он стоял, была забрызгана кровью и мозгами. По отверстиям в стеклах двойных оконных рам было установлено, что обстрел велся с крыш железнодорожных мастерских, находившихся недалеко и против Корпуса. Наш Корпус был около вокзала.

Наступая на военные училища — Николаевское Пехотное и Николаевское Артиллерийское, которые были близко от корпуса, большевики ворвались в здание корпуса, требуя сдачи винтовок, но таковые были сданы армии еще раньше, когда была нехватка оружия. Убив корпусного врача и оставив несколько красноармейцев в здании, они повели дальше свое

наступление. У входных дверей в помещение третьей роты на полу сидел красноармеец-китаец с винтовкой, направленной в другой конец коридора где находились кадеты.

С приходом большевиков жизнь корпуса изменилась сразу к худшему. Помимо того, что погоны уже были сняты, даже околыши фуражек затянули черной повязкой, и были спороты петлицы на шинелях. Эта мера была даже необходима во избежание эксцессов. Так, — в городе на стенах домов были расклеены афиши с заглавием: «спор большевика с кадетом» под этим названием подразумевались члены «Конституционно-Демократической партии», но «какой-нибудь» проходящий, увидев такой заголовок, не читая всего написанного, по своей невежественности, увидев кадета, в лучшем случае осыпал его руганью, а в худшем случае, что и имело место, давал ему затрещину.

Впоследствии, уже при власти Гетмана, когда стало известно об убийстве Государя, — кадеты уже сами обтянули черным вторую пуговицу на мундирах в знак траура, ставя Государя на второе место после Бога. На третьем месте считалась Родина. На парадной лестнице корпуса, на первой площадке на стене находились 3 больших надписи со словами «БОГ, ЦАРЬ, РОДИНА», что очень понравилось Государю, когда в 1911 году он посещал корпус.

В первый раз большевики не долго оставались у власти в Киеве. Через несколько месяцев Украина была занята немцами и установлена власть Гетмана, но во время их пребывания, как и повсюду, где они ни появлялись, шли аресты, расстрелы и обыски. Корпусу тоже пришлось туго, то ли большевики не давали средств корпусу, или давали мало, но помнится что с довольствием дело обстояло плохо.

Спасло отчасти положение, — наличие при корпусе своего хозяйства, главным образом огородов. Кадеты сами выпекали хлеб. При Корпусе образовался «комитет служителей», образовался также и «Родительский комитет», задачей которого было изыскание средств для поддержки существования кадет. Для этой цели с разрешения властей был устроен закрытый вечер в театре «Гротеск». Собралось много учащейся молодежи. В перерыве между танцами был устроен аукцион, продавались пожертвованные дорогие вещи. Во время аукциона в зале откуда-то появилось два матроса, у одного на шее висел какой-то золотой кулон на цепочке. Узнав, что происходит, они предложили свои услуги и действительно, с их вмеша-

тельством, аукцион пошел усиленным темпом. Уже разыграны были почти все вещи. Наконец дошло до последней, — это была какая-то довольно большая серебряная ваза. Матрос, который вел аукцион, догнал цену на нее до большой уже суммы. Услышав одну из очередных прибавок, которые кстати сказать стали медленными, он повторил ее, спросив «кто больше» и не ожидая ответа быстро посчитал: «раз, два, три» и также быстро передал эту вещь дававшему последнюю цену. Этим последним оказался его же приятель другой матрос, находившийся рядом с ним. Никто конечно не протестовал. Аукцион они провели хорошо и собрали большую сумму денег. Церемонно раскланявшись они удалились со своим выигрышем.

Возвращаясь с вечера по-домам мы были остановлены большевицким патрулем. Проверив наши документы они скомандовали «бегом марш», мы кинулись бежать. Сзади раздался выстрел и смех. Очевидно для острастки выстрел был сделан в воздух. Подобного рода вечера устраивались потом в Киевском Институте и в одной из гимназий.

Кажется в апреле стало известно, что вот-вот прийдут немцы и действительно они скоро появились. Киев вздохнул свободно. На улицы вышли толпы народа. Немцы входили без помпы, я не помню, чтобы играл оркестр. Постепенно начала налаживаться нормальная жизнь. Потом появился Гетман и одновременно украинские войска, говорили, что это сформированные немцами части в Галиции.

При Гетмане корпус был восстановлен и украинизирован. Кадеты носили защитного цвета погоны, закругленные кверху с буквами В. К. с трезубцем над ними. Кокарды были украинских цветов, — голубого и желтого. Введен был украинский язык, как предмет. Начались регулярные занятия и восстановилась почти нормальная жизнь корпуса.

Так длилось почти до конца года.

С началом революции в Германии, находившиеся на Украине немецкие войска начали ее покидать, но в Киеве они еще были довольно долго. Уже по всей Украине шли бои Петлюровских войск против Гетманских и скоро фронт подошел к самому Киеву.

В городе начали формироваться отряды для его защиты, главным образом из молодежи. Еще раньше при Гетмане почти открыто происходили запись и прием в Добровольческую Армию и многие уезжали из Киева на Дон. Петлюровцы были уже очень близко.

Однажды вечером, после поверки, 1-ая рота, по приказанию фельдфебеля, построилась и несмотря на противодействие начальства, под его командой ушла на Печерск — часть города, где происходило формирование. На следующий день, директор корпуса Ген. Семашкевич пытался вернуть кадет в Корпус, но это ему не удалось. Кадеты несли караульную службу и по охране некоторых зданий. Это были последние дни Гетманской власти.

Перед взятием Киева, накануне ночью Петлюровцы захватили железнодорожный полустанок «Пост Волынский», где находилось много учащейся молодежи, защищавших подступ к Киеву и устроили там кровавую баню. Эта трагедия хорошо описана в книге С. Лифаря (балетмейстера) «Страдные годы». Он сам чудом спасся оттуда.

При входе Петлюровцев в город все защитники его были сосредоточены в центре города в «Педагогическом Музее», на Большой Владимирской улице. Петлюровцы хотели взять его штурмом, но подоспели немецкие войска и их оттеснили. Учащихся отпустили по домам, а остальных немцы вывезли в Германию.

Петлюра недолго пробыл в Киеве и через несколько месяцев большевики снова, уже во второй раз, его заняли. Опять настало тяжелое время.

Корпус был переименован в гимназию Св. Владимира. Занятия продолжались кое-как. Воспитателей приказано было называть по имени-отчеству, но несмотря ни на что дисциплина в Корпусе не нарушалась. Сами кадеты ее поддерживали. Кое-как дотянули до весны. Занятия были закончены раньше времени. Кадетам выдали удостоверение в том, что они прослушали курс такого-то класса. Все кто мог разъехались. В корпусе осталось незначительное количество кадет, которые не имели никакой возможности вернуться домой. Их свели в интернат и потом они должны были, оставив здание корпуса, жить в частных домах.

Здание корпуса было занято блоьшевиками и в нем поместились красные курсанты. На этом жизнь корпуса в Киеве закончилась.

С приходом летом 1919 года Добровольческой Армии в Киев, воскресла надежда на то, что корпус сразу же возродится, но этому не суждено было сбыться. Большинство старших кадет поступили сразу в Добровольческую Армию. Одна батарея была полностью укомплектована Киевскими кадетами.

Здание корпуса находилось в запущенном состоянии. После пребывания в нем красных нужен был всеобщий и полный ремонт. Все стены были разрисованы красными звездами и испещрены большевицкими лозунгами. На приведение здания в порядок потребовалось бы много средств и времени, но это все было преодолимо и не эта была главная причина.

Самое главное заключалось в том, что счастье изменило Добровольческой Армии. Наступление ее на Москву захлебнулось. Большевики сосредоточив большие силы перешли в контр-наступление и Добровольческая Армия начала отступление по всему фронту.

Осенью стало видно, что положение было очень серьезное. Фронт приближался все ближе и ближе и в начале декабря 1919 г. начальник Военно-учебных заведений Генерал Лаймин отдал приказ Киевскому Корпусу эвакуироваться в Одессу.

О предстоящей эвакуации были оповещены, как кадеты, проживавшие в Киеве, так и персонал корпуса и все пожелавшие эвакуироваться собрались в назначенный день в здании корпуса.

3-го декабря ст. стиля был подведен состав в несколько вагонов, почти к самому корпусу, который находился около вокзала и сразу же началась погрузка.

Во время погрузки на соседних путях остановился бронепоезд, кажется, «Офицер». Из него выскочил мой одноклассник и товарищ Сергей Якимович — георгиевский кавалер уже, но к сожалению нам с ним не удалось перекинуться даже парой слов. Я был занят погрузкой, а он вероятно не мог отлучиться. Встретились мы с ним потом, уже в Югославии.

Ввиду того, что имущество корпуса было все разграблено, погрузка прошла довольно быстро. Корпусные цейхгаузы были пусты. Я помню как однажды, выйдя из дома, я увидел приближавшуюся по улице кавалерийскую часть, и глазам своим не поверил, увидев на конях кадет. Оказалось, что это были красные курсанты, стоявшие в здании корпуса. Они облачились в кадетские шинели и фуражки, на которые нацепили красные звезды, вместо кокард.

Итак, к вечеру 3-го декабря погрузка была закончена. Погрузилось около 130 кадет и около 20 воспитателей с семьями. В товарных вагонах были нары в два яруса. В одном из вагонов была походная кухня. Заведующим довольствием был полковник барон Гейкинг, который два дня кормил нас вкусным борщом. Опасаясь нападения на поезд местных больше-

виков или порчи ими пути, часть кадет была вооружена винтовками. К счастью в пути ничего не случилось. Поздно ночью был прицеплен паровоз и наш состав тронулся.

Прощай, наш родной Киев!

В Одессу мы прибыли 5-го декабря. Нас размсетили в здании Одесского кад. корпуса и отвели нам большой зал на верхнем этаже, где мы, кадеты, и устроились. В конце зала стояла конная статуя, если не ошибаюсь, Петра Великого, за ней у самой стены, как раз, поместилась моя кровать и я находился как бы в отдельной комнате. Мы, киевляне, были зачислены на довольствие в Одесском корпусе и столовались после кадет одесситов. Потом, когда нас распределили по классам, мы завтракали в одно время с Одесситами, но продолжали, кажется, ужинать по прожнему отдельно.

Начали посещать занятия и постепенно жизнь наша стала входить в норму. После занятий, отправлялись к себе и жили своей отдельной жизнью и своими традициями.

Вскоре после прибытия в Одессу, был наш Киевский корпусной праздник. В этот день утром, пришла к нам делегация кадет Одесского корпуса и поздравила с нашим праздником. Кормили нас вполне прилично; единственно, что отравляло нам жизнь, это был холод, который стоял в нашем большом зале.

Должность директора Киевского корпуса исполнял командир 5-й роты, полковник Линдеман. Временно потом появился, якобы, новый директор, генерал Раткевич, заслуженный и весь израненный генерал, у которого, как говорили с его же слов, было 34 «пробоины». Мы, кадеты, его даже не видели и он быстро куда-то исчез.

Наше пребывание в Одессе промелькнуло очень быстро. Пробыли мы в ней ровно 50 дней. Будучи кадетами строевой роты, я помню как однажды, во время какой-то переменки, мы увидели разложенные в линию на полу винтовки. Нам было приказано их разобрать и привести в порядок, т. е. обтереть, т. к. они были смазаны маслом.

Полковник Самоцвет, командир 1-й роты Одесского корпуса, производил с нами строевые занятия. Подавая команду для стрельбы «пальба ротой», а после нее — «рота...», когда винтовка клалась прикладом в плечо и держалась на вытянутой руке горизонтально, он обходил фронт и проверял, чтобы все

винтовки были на одной линии. Они были довольно тяжелые, чтобы держать их в таком положении все время, пока он не обойдет всех, и мне как то от него досталось. Не зная мою фамилию, он назвал меня просто: «Эй, черненький, не клевать штыком!», после чего скомандовал «к ноге!» и «разойтись!»

Как-то раз вечером, 1-ю роту построили и повели куда-то в город. Шли мы довольно долго, пока не подошли к какому-то освещенному зданию, около которго толпились солдаты и матросы. Это оказалась «Чашка чая добровольца». Когда все с улицы вошли в здание и расселись в зале, на сцене раскрылся занавес и началась программа. Выступали артисты и куплетисты, развлекая присутствующих незатейливым репертуаром разных песенок и анекдотов. Была исполнена всем известная солдатская песенка «Соловей, соловей, пташечка!» и многие другие. Последним номером был исполнен «Лимончик» — это были добровольческие частушки, вместо большевистского «Яблочка». Я ее раньше никогда не слышал и запомнил слова нескольких куплетов. Первый начинался так:

Раньше пели яблочко,
Пришел ему кончик,
А теперь поют, играют,
Лишь один лимончик.

Когда же был спет последний куплет —

Все девицы вечерком
Свежи как бутончик,
А на утро посмотрите —
Выжатый лимончик!

Добровольцы «ржали» от восторга, кадеты им вторили. Веселые и довольные, все расходились из театра. Водили потом в «Чашку чая добровольца» и наших младших кадет, но уже днем.

Рождество 1919 года было отмечено очень скромно. Быстро наступил новый 1920 год и никто из нас не знал, что очень скоро нам предстоит покинуть не только Одессу, но и нашу Родину.

После праздников возобновились занятия, но вскоре поползли слухи, что дела на фронте плохи, что большевики приближаются к Одессе и что предстоит ее эвакуация. Я хорошо помню, что упоминалось даже название парохода «Россия», на

котором корпусу предстояло погрузиться, но говорили также, что этот пароход неисправен и не готов к отплытию.

22 января ген. Шиллинг отдал приказ об эвакуации и 25 января она состоялась. Подробное описание эвакуации описано в книге «Кадетские корпуса за рубежом».

День 25 января 1920 года был последним днем пребывания Владимирского Киевского кадетского корпуса на русской земле, после 70 лет его существования.

Прощай Россия!

ОДЕССА — ПАНЧЕВО — СИСАК — САРАЕВО.

Мы в открытом море, на пароходе «Рио Негро», который увозит нас куда-то в неизвестность. Уже темно, но все еще видны удаляющиеся огни Одессы. Пробыв некоторое время на палубе, я спустился вниз и пристроился на маленькой площадке за лестницей. Подложив свою шинель, я сел на пол, прислонившись к стене, и почувствовал усталость. За целый день ни разу не удалось присесть. Несмотря на топот ног по лестнице и гул голосов, перед моим мысленным взором стало проходить все пережитое за этот день.

Вот вижу, как мы идем через город в порт. Нас 20 кадет Киевлян строевой роты. Мы с винтовками. Улицы пусты. Повсюду слышна стрельба. Из окон смотрят на нас испуганные лица. Одна женщина долго крестит нас, провожая взглядом. Идем мы довольно долго; наконец, мы в порту, на Платоновском молу, но кроме нас и чинов персонала корпуса с семьями, никого нет.

У мола стоит пришвартованный английский крейсер «Церес», а дальше на рейде пароходы, перегруженные людьми. Подбегают отдельные люди и видя, что все уже погрузились, мечутся вдоль мола, не зная что предпринять. Вижу, как один сбросил с себя шинель и бросившись в воду, поплыл к ближайшему пароходу. Не видел что с ним стало, т. к. в это время сзади меня раздался пушечный выстрел. Обернувшись назад, я увидел вдали, на улице которая выходила на мол (кажется Пушкинская), стоял броневой автомобиль, который очевидно и стрелял. Откуда-то раздался ответный выстрел, возможно что с «Цереса», и броневик моментально исчез.

Через некоторое время появились откуда-то, на молу, кадеты Одесситы 1-й роты, а также и наши младшие кадеты, а

потом — как будто горох посыпался и защелкал по камням. Это красные обстреливали нас с горы из пулемета. После обстрела началась погрузка на крейсер. Подобрали и понесли раненых кадет Киевлян: Полиновского и Левицкого, и дочь нашего воспитателя Анечку Порай-Кошиц. Сначала погрузились наши кадеты младших рот; их сразу же перегрузили на баржу.

Когда мы погрузились на «Церес», то несколько английских матросов вынесли на палубу, на подносах, нарезанные куски мяса, которое мы брали руками и с жадностью поедали. Потом, матрос прокатил по палубе большой круг сыра, но кадетам он, кажется, не достался. Уже в открытом море нас пересадили на пароход «Рио Негро». Переходя на него через трап, мы сдавали наши винтовки, бросая их на палубу в кучу. Некоторые бросали их с трапа в воду. Пароход, приняв нас, вышел в море.

Мы бросали прощальные взгляды на удаляющиеся берега и огни Одессы. От усталости и всех переживаний я заснул. Не имею представления о том, сколько я спал, но проснувшись, почувствовал, что пароход стоит. Поднявшись на палубу я увидел берег, освещенные дома, минареты и дворцы. Это было красивое, феерическое зрелище. Мы были в Константинополе.

Не помню, как долго мы в нем простояли, но когда тронулись дальше и проходили Мраморное море, была хорошая погода. Кадеты на палубе пели. Раздавались удалые кадетские и военные песни. Следующая остановка парохода была в Салониках, где мы сошли на берег. Наше внимание привлекали чернокожие сенегальцы — французские солдаты, в меховых полушубках, мехом наружу.

В Салониках нас погрузили в поезд и тогда мы узнали, что нас везут в Сербию. По прибытии в Белград, где мы не задерживались, нас на пароходике перевезли через Дунай на другой берег, в г. Панчево.

Это и была окончательная остановка — место нашего назначения. Было это 3-го февраля (нов. стиля) 1920 года.

В Панчево, маленьком городке, нас поместили в здании какой-то школы. Спали мы на полу. Первое время нас кормили в ресторане «Мита Палич», куда мы ходили строем. Помню один курьезный случай. Маршируя как-то по улице, мы вдруг услышали команду: «взвод, стой!» Мы остановились, как вко-

панные. Перед нами появился какой-то мальчик, на вид лет 15-16, одетый в военную форму. «Почему Вы не командуете смирно русскому офицеру?», обратился он к старшему. Тут мы увидели, что на нем действительно были офицерские погоны с двумя звездочками.

«Виноват, г-н подпоручик!» — «Не подпоручик, а корнет!», гордо заявил он. «Потрудитесь в следующий раз быть внимательнее, — ведите дальше», и мы зашагали, часто потом вспоминая, как нас цукал «благородный корнет».

Потом нас стали кормить из походной кухни, находившейся во дворе школы. Кухня эта обслуживала и некоторое количество русских солдат, расположенных также на территории школы. Это были пленные, ожидавшие возвращения в Россию. Солдаты эти были уже распропагандированы, что очень скоро и выявилось.

В городском кинематографе показывали русский патриотический фильм «Жизнь Родине — честь никому!» В кино были и кадеты, и эти солдаты. По ходу действия фильма, сначала начали раздаваться со стороны, где сидели солдаты, всевозможные замечания, а потом и выкрики. Чем дальше, тем больше. Из-за этих криков и ругани солдат, неодобрявших содержание фильма, которое как раз наоборот — нам кадетам очень нравилось, у нас было испорчено все настроение и мы с трудом досидели до конца представления.

Пока мы, Киевляне, были в Панчево, никаких занятий не было. Пробыли мы в нем очень мало, всего 25 дней. 5-го марта мы узнали, что в Белград прибыли из Болгарии наши кадеты младших рот, под командой полковника Протопопова, помощника инспектора классов Киевского корпуса, который их встретил в Болгарии, принял в них деятельное участие, возглавил и привез в Сербию.

12-го марта наш Киевский взвод 1-й роты уехал из Панчево в Белград. Встреча с нашими младшими однокашниками была теплой и радостной. Вся их эпопея, со дня эвакуации из Одессы, была уже описана в книге «Кадетские корпуса за рубежом».

В Белграде мы пробыли 3 дня в бараках при какой-то больнице. На другой день старших кадет повели строем через город, в Белградский оперный театр, где выступали большие русские силы, находившиеся тогда в Белграде. К сожалению, не помню имен артистов. Были оперные номера, а также и балет. Все мы получили огромное удовольствие от этого пред-

ставления. 16-го марта мы выехали в гор. Сисак: 95 кадет и 18 чинов персонала Киевского корпуса с семьями. Таким образом, весь наконец соединенный состав нашего корпуса прибыл и сосредоточился в г. Сисаке.

В Сисаке нас поместили в здании небольшой казармы. Городок оказался маленький, но симпатичный. Наше здание находилось на окраине. Окна главного фасада выходили на улицу и на канал, весь заставленный баржами. Спали мы уже на кроватях. Вскоре начались у нас занятия, но никаких учебников конечно не было, да и занятия были нерегулярными.

Нашим развлечением было смотреть из окон, когда мимо нас маршировали сербские солдаты, идя за город на учение. Молодой подпоручик, которого мы называли Юзик (кажется, это и было его настоящее имя), любил производить разные учения. Самая занятная и непонятная для нас команда подавалась им перед нашей казармой — «Клекни!», по которой солдаты падали на одно колено, держа винтовку в руке, прикладом на земле. Юзик знал,что одна из наших барышень, которая ему очевидно очень нравилась, наблюдает за ним. Если не ошибаюсь, впоследствии они и обвенчались.

В Сисаке пробыли два с половиной месяца. Мы фактически жили как на даче, отдыхая от всего пережитого, и набирались сил на будущее. Ничего особенного за это время не произошло, жизнь была тихая и спокойная. В Сисаке мы отпраздновали Пасху и, в начале июня, получив приказ из Белграда, покинули этот город и поездом выехали в г. Сараево.

Прибыли мы туда 4 июня 1920 года.

Киевляне приехали в Сараево первыми. Одесситы прибыли из Панчево на неделю позже. Таким образом, обе группы — «Панчевская» и «Сисакская», соединились и, согласно приказа Росс. Военного Агента, ген. Артамонова, от 10 марта, образовали Русский Сводный Кадетский корпус. Пребывание в Сараево и жизнь этого корпуса подробно описаны в книге «Кадетские корпуса за рубежом», поэтому я отмечу только то, что касалось нас, Киевлян.

Меньше, чем через два месяца, а именно 5 августа Сводный Кадетский корпус был переименован в «Русский Кадетский Корпус в Сербии», а 7 августа мы проводили наших старших однокашников Киевлян (1-го выпуска Русского кад. корпуса). в Крым, для поступления там в военные училища. Оставшиеся же кадеты Киевляне в составе Русского кад. корпуса продолжали и дальше соблюдать все свои традиции.

Основанный в 1851 году в Киеве — Матери городов русских, Владимирский Киевский кадетский корпус имел на Высочайше утвержденном в 1892 году жетоне, на трех скрещенных погонах (белом, черном и зеленом) изображение памятника Св. Владимиру, крестившего в Киеве Русь. Корпусная церковь была также в честь Св. Владимира.

По старинной традиции Киевского корпуса, старший по традиции кадет выпуска назывался «патриархом». Сохранилась она до 1926 года, когда последние кадеты Киевляне оканчивали в том году Русский кад. корпус. Причем последний «патриарх» Киевского корпуса А. Бережецкий, был одновременно и «генералом» своего 1-го традиционного выпуска Русского кадетского корпуса.

По прибытии в Сараево, Киевлянами была заказана и сделана из хорошей кожи, с золотовым тиснением и надписью на русском языке «ЗВЕРИАДА», куда был вписан сохранившийся у кадет текст настоящей старой Звериады.

Ежегодно, в конце года, на лоне природы за городом происходило прощание очередного ывпуска Киевлян со «Звериадой» и передача ее новому «патриарху» следующего выпуска, после чего происходил парад, который принимали выпускные кадеты и новый «патриарх» со «Звериадой». На это торжество, все кадеты Киевляне надевали белые погоны своего родного корпуса.

Прощание со "Звериадой", 1923 г. Сараево

Передача "Звериады", Сараево

Существовавшее еще в Киеве «Попечительное Общество б. кадет Владимирского Киевского кадетского корпуса» снова возродилось в 1920 году в Белграде, имея как и встарь, задачу — оказание помощи своим однокашникам. «Объединение кадет Владимирского Киевского кад. корпуса» существует и по сей день, с центром в Париже, после 55-тилетнего своего существования за рубежом. Председателем его является ротмистр Г. М. Аустрин, кадет выпуска из корпуса 1915 года.

В 1926 г. в Сараево, Русский кад. корпус отметил 75-тилетие Владимирского Киевского кад. корпуса, вошедшего вместе с Одесским в его основу и передавшего ему свое старшинство. Все кадеты Киевляне также отметили повсюду эту знаменательную для них дату — 75-летний юбилей родного корпуса. В 1951 году Киевляне уже праздновали торжественное столетие родного гнезда. В следующем 1976 году будет 125-летие Киевского корпуса и, конечно, и эта дата будет достойно и торжественно отмечена всеми Киевлянами.

Много, очень много наших однокашников уже здесь, за рубежом, ушло в лучший мир. Не осталось уже в живых ни одного воспитателя нашего корпуса. Нет больше и самого корпуса, но кадеты Киевляне, разбросанные по всему свету, свято хранят в своих сердцах память о нем и о светлых и лучших годах своей юной жизни, проведенных в его стенах. Они не теряют надежды, что с возрождением национальной России, возродится и Русская Армия, а с нею и наши кадетские корпуса, а среди них, в г. Киеве, и наш славный Владимирский Киевский кадетский корпус.

А. Стацевич.

ВЛАДИМИРСКИЙ КИЕВСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС.

Список персонала, эвакуировавшегося с Корпусом:

Врем. исп. должность директора

Полковник Линдеман А. Ю.

Инспектор классов: В. С. Левицкий

Помощник инспектора классов:

Полковник Протопопов Б. Н. (эмигрировал отдельно)

Ротные командиры:

Полковники:	Азарьев А. Н.
	Волков Н. В.
	Греков В. И.
	Порай-кошиц К. Н.

Офицеры воспитатели:

Подполковники:	Андрузский Г. А.
	Гейкинг Г. А.
	Енько-Даровский Ю. Н.
	Кадьян Н. П.
	Карпов Н. Е.
	Клопотовский Н. Н.
Капитан	Лавров П. И.
Подполковник	Левицкий М. А.
Капитан	Лукин И. Н.
Подполковник	Прибылович С. Н.
Капитан	Филимонов Н. Е.

Преподаватели:

Ст. сов. де Бакар А. К. французский язык
Ст. сов. Гизе А. Ф. немецкий язык

Фельдшер: Тит. сов. Васильев И. К.

Составил *о. Н. Кодьян*

ВТОРОЕ ОТДЕЛЕНИЕ КАДЕТ КИЕВЛЯН 2-го СЛАВНОГО «ГЕОРГИЕВСКОГО» ВЫПУСКА РУССКОГО КАД. КОРПУСА В КОРОЛЕВСТВЕ С. Х. С. Сараево, 1920 - 21 год.

Слева направо — верхний ряд: Ландшевский С., Крылов П., Гуторович Г., Дорман В. Второй ряд сверху: Канн В., Ходорович М., Марков П., Гродский С., Казаков В., Присненко Г. Третий ряд: Стацевич А., Плахов Л., де-Бокар С., Полк. Волков, Михайловский П., Шпренглевский Н., Кошелев Б. Четвертый ряд: Мазуренко В., Силич И., Февр М., Савицкий С.

Моя первая встреча с Кадетами Киевлянами произошла в тот знаменательный вечер, когда, после наделавшего шума отъезда 22-х кадет из Панчево на фронт в еще державшийся Крым, группа кадет Одесского Корпуса, в которую также входили кадеты других корпусов, перебралась в Сараево в казарму, из которой в 1914 году Эрц-Герцог Фердинанд выехал навстречу смерти, ждавшей его на мосту через речку Мплячку, в лице сербских патриотов. Теперь эта казарма называлась Короля Петра 1-го и предназначалась для кадет Киевского и Одесского Корпусов.

Мы сразу попали прямо в сказочную обстановку, напомнившую мне уже ставшим далеким, хорошее прошлое: нас ждал горячий ужин, поданный прислугой, на столах, как в корпусе, туалет в настоящей «умывалке» и постели с простынями в большой общей спальне!.. Моя кровать была рядом с С. де Бокар, с которым мы быстро подружились.

Киевский Корпус мне был всегда симпатичен: с ним в моем воображении были связаны город Киев с его богатой историей и поэзия «Вечеров на хуторе близь Диканьки» и суровый независимый дух запорожцев «Тараса Бульбы»! Я настолько читал и перечитывал в детстве Гоголя, что начал наполовину верить в существование всяких ведьм, русалок, леших, чертей и т. п.

Воспитателем у нас был подп. Волков, милейший офицер, который как и все семейные страшно боялся ген. Адамовича, и только позже мы поняли почему! Несмотря на это, в день окончания выпускных экзаменов, имея неосторожность войти в нашу спальню, где мы, с огромной бутылью вина, праздновали это столь важное для нас событие, он стал на «махалку», чтобы мы могли уничтожить все следы преступления! А ведь он рисковал очутиться на улице с семьей! За это вечная благодарность кадет 2-го отделения!

В киевском отделении было много кадет других корпусов: Тифлисского, Воронежского, Суворовского, Ташкентского и, кажется, Московского. Жили мы дружно и никогда у нас не было ни споров, ни ссор на почве принадлежности к разным корпусам — малиновый погон нашего нового корпуса нас объединил. Корпус для большинства был спасенье и «шанс жизни».

Учились и зубрили мы «не за страх, а за совесть» и, если память не изменяет, средний балл отделения был выше 10! На 20 кадет в нашем отделении было 7 в.-ун. офицеров.

Расскажу небольшое событие из нашей спокойной кадетской жизни, которое потом вошло легендой в историю корпуса и передавалось младшим кадетам со всевозможными прикрасами и преувеличеньями.

В этот памятный вечер в спальне 2-го отделения кадеты не спали и разговаривали о бывших в тот день похоронах на сербском кладбище, вне города, кадета 1-го вып. Тарасенко и, вероятно, многие думали о нашем товарище, зарытом в сырой, чужой земле... и настроение у всех было удрученное, как вдруг кто-то сказал:

«Кто бы пошел один этой ночью на кладбище?!»

На каникулах в имении, чтобы показать свою храбрость, я ходил на кладбище на окраине села, но здесь была опасность быть пойманным начальством и это могло мне стоить нескольких баллов по поведению и нашивок. Были выработаны условия пари на некоторую сумму динар, я должен был принести

доказательства моего визита в полночь на кладбище и до ухода мне рассказывали страшные истории.

Держа ботинки в руках, я благополучно прошел по коридору мимо «дежурки» и спустился по лестнице во двор. Выходить через ворота было рисковано из-за сербской стражи, поэтому я полез по стене со стороны горы и, очутившись на маленькой уличке, спустился в город, пустынный, но освещенный, и пройти через него не было ничего трудного, но, выйдя, за-город, где едва белела дорога, я думал, что заблудился. Помог мне шум ручейка, через мостик которого мы прошли днем, прежде чем войти на кладбище через высокие ворота из железной решетки. Они были закрыты и мне пришлось перелезть с трудом и опасностью для казенного обмундирования! Потом нужно было идти прямо, но не свалиться в глубокую яму семейного склепа и откуда выбраться без посторонней помощи было бы невозможно.

Оторвать несколько кусков лент от венков, лежащих на могиле, было делом нескольких минут, а обратный путь, по уже знакомой дороге, показался мне гораздо легче, да и город был виден вдали, благодаря отсвету фонарей.

Я добрался благополучно до нашей спальни, где никто не спал в ожидании моего возвращения. Каждый месяц я собирал выигранные динары и вел «широкий» образ жизни до тех пор, как поспорив на остающуюся сумму съесть за один урок неимоверное количество прекрасного босанского хлеба, и то после завтрака и всего лишь с одной кружкой воды, я, конечно, пари проиграл, но зато был сыт в этот день.

С тех пор прошло больше полвека, но воспоминание об этой ночной прогулке живо сохранилось в моей памяти.

Георгий Гуторович.

«ШЕСТОЙ УРОК В I ОТД. VI КЛАССА».

22 февр. 1921 г.

Как жарко и скучно. За столиком сонно
Священник о чем-то гудит монотонно...
Не слышат кадеты неясные речи,
А в классе так жарко, как будто бы в печи.

(Когда в 1920 году корпус обосновался в Сараево, учебные занятия продолжались все лето, без перерыва. В классах на верхнем этаже было настолько жарко, что никакие науки в голове не умещались).

Из окон открытых и пышет и жжет,
И жаром несчастных кадет обдает.
Вот с видом младенца, уныло зевая,
Сережа Тхоржевский тоскливо страдает.
Вот с партой обнявшись, сопя через нос,
Уснул, весь распарившись, мрачный Барбос. *
Вот с видом убийцы, как будто умело
Свершая привычное, грязное дело,
Глизян что-то шепчет, жарой истомившись.
Дылевский к Ракитину тихо склонившись
Угрюмо мигает и тяжко сопит,
А Критский, сосед мой, давно уж храпит.
Там двое Тираспольцев *, нежно обнявшись,
Вздыхают устало, уж грезам предавшись,
Вот Живкович пишет в тетради угрюмо,
А сам углублен в посторонние думы.
С ним рядом, костыль обнимая рукой,
Уж Гейштор нашел себе вечный покой. **
К стене прислонясь, улыбаяся нежно,
Авраменко спит за столом безмятежно.
Глядит Сидорчук и как будто бы внемлет,
На самом же деле давно уже дремлет.
Вот Голиков, тупо уставивши взор,
Давно позабыл про весь жизненный вздор.
С улыбкой, как будто съедая котлету,
Уж Вильский клянет это жаркое лето.
Вдали беззаботно храпит Оржеховский,
Весь сморщившись, точно ребенок без соски.
Сидит Адамович и мрачно страдает,
Еще кто-то долго и трудно вздыхает...
Давно как преступник мой Критский храпит.
И я соблазняюсь. Весь класс уже спит.
Священник и сам понемногу стихает
И голову низко на грудь опускает.
Сигнал вдруг раздался. Обедать скорей!
В столовой, конечно, сидеть веселей.
Уж сразу забылись все сонные грезы.
Довольно, довольно учебной с нас прозы!
Вдруг батя проснулся: «Уж кончилось, что ли?»
И весь расцветая стремится на волю. *А. Росселевич.*

* Барбос — кличка Гвоздевича; Тираспольцы — клички Крамаренко и Лебедева. ** Гейштор был инвалидом без ноги, ходил на костылях.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА ЧУЖБИНЕ.

Ранним утром 8 декабря 1920 года, грузовой пароход Российского торгового Флота «ВЛАДИМИР», стал на якорь в бухте Бакар, на севере Адриатического моря, где сходились границы Королевств: Сербов, Хорватов, Словенцев и Италии.

На пароходе прибыли кадеты, эвакуированных из России, кадетских корпусов: Второго Донского, Сводного Полтавского-Владикавказского или Крымского. На берег никого не выпускали, стояли в карантине. Всем очень хотелось поскорее сойти на берег. Наконец желанный момент наступил, объявили, что на следующее утро будет разгрузка парохода и все пассажиры покинут его.

Рано утром раздался сигнал подъема Второму Донскому Кадетскому Корпусу; играли трубачи кадеты. Все быстро вставали, приводили себя в порядок и по сигналу «сбор», взяв свой скромный багаж, поднялись из трюмов на палубу, построились на перекличку и утреннюю молитву.

Директор Корпуса, поздоровавшись с кадетами, объявил, что корпус сегодня утром сойдет на берег, где должен будет пройти некоторые формальности, а затем поездом будет отправлен на север Словении, и временно размещен в бараках лагеря.

Трубачи вышли перед строем и заиграли «Утреннюю Зарю», затем команда «На молитву шапки долой» и кадеты запели молитву, последний раз на пароходе у берега чужой, неизвестной страны... Кончилась молитва «Накройсь! Разойтись!». Кадеты, оставив свой багаж, разбрелись по палубе. Все с нетерпением ожидали начала выгрузки.

Наконец раздалась команда, «Строиться», кадеты быстро выстроились в две шеренги, взяв свой багаж и замерли в ожидании следующей долгожданной команды.

«Справа по одному шагом марш!» и вытянувшись в цепочку, кадеты стали сходить по трапу с парохода. Странное состояние было на берегу, казалось, что земля под ногами качается, голова кружится и ноги не слушаются...

С пристани повели строем к каким-то зданиям, расположенным невдалеке. Это были здания, как после узнали, брошенного цементного завода, разбитого во время войны. Большинство зданий было без крыш, окон и дверей и громадные дыры зияли в стенах.

Кадет ввели в одно из зданий. В большом помещении, в глубине находилась группа штатских и военных, в русской и иностранной форме.

Вблизи у входа стояли походные кухни, столы, и около них суетились сестры милосердия, очевидно заканчивая приготовления. Из котлов шел пар и помещение наполнялось приятным ароматом, предвещавшим вкусный завтрак. На столах лежали груды белого хлеба и котелки с ложками были выстроены ровными рядами.

Кадеты выстроились, положили перед собой вещи. От группы стоящей в глубине помещения, направились к строю два офицера, один из них в иностранной форме. Директор Корпуса и командир первой сотни сопровождали их. Офицер в иностранной форме приветствовал кадет и поздравил их с благополучным прибытием в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев.

Строй разбили на отделения, для прохождения медицинского осмотра, а затем купания и дезинфекции обмундирования и вещей. Каждое отделение, под командой старшего, уходило в соседнее помещение, где кадеты раздевались, складывали обмундирование вместе с вещами, связывали поясами, оставляли на скамье и затем шли на медицинский осмотр. После беглого медицинского осмотра направляли в баню. Медицинский персонал был в восторге от физического развития и состояния здоровья молодежи.

Импровизированная «баня» была устроена в длинном помещении похожем на широкий коридор с высокими кирпичными стенами, бетонным полом и без крыши. Посредине, по всей длине, тянулся ряд, стоящих на небольшом расстоянии друг от друга, вагонеток, наполненных водой; темные пятна лизола плавали сверху, предназначенного, повидимому для дезинфекции. Под вагонетками пылали костры, около стояли жестяные банки, заменяющие шайки. Дым, смешиваясь с паром, поднимался к небу.

Кадеты вбегали в «баню». Вид «бани» их удивил, но не смутил. Окружив вагонетки по пять, шесть человек, не один не решался начать «обряд купания»... Но вот из озорства, один из группы, зачерпнув банку воды, плеснул на соседа... Этого было достаточно чтобы началось «общее купание»... поднялся невероятный шум, кричали, визжали, свистели, выражая дикий восторг от получаемого «удовольствия». Картина была

потрясающая своей необычайностью: на фоне зарева костров, дыма и пара, между высокими кирпичными стенами, под открытым небом, выплясывали голые люди дикий танец, поливая друг друга водой. Это веселое купание продолжалось минут десять и по команде все купальщики, прекратив эту веселую игру, стали в одну шеренгу и направились к выходу. Некоторым удалось избежать «купания» и остаться сухими и чистыми.

Вернувшись в «раздевалку» кадеты не нашли своих вещей, их задержали в дезинфекции. В ожидании одежды, чтобы не замерзнуть кто стал бегать, кто скакать на месте, размахивая руками. Принесли одежду, она оказалась вся перепутана и так измята, будто ее жевали коровы. Разбирая одежду с ужасом обнаружили, что все кожанные пояса перегорели, лопались и не держали штанов Счастливцами оказались владельцы матерчатых поясов. С трудом одев помятое обмундирование, а некоторые поддерживая штаны рукой, захватив свой багаж, направились обратно в помещение, где так вкусно пахло супом и свежим хлебом.

Следующее отделение пошло на смену... И так все должны были пройти через «чистилище».

Время ожидания возвращения отделений из «чистилища» тянулось досадно медленно. Все с нетерпением ожидали начала раздачи пищи.

Наконец явилось последнее отделение и, оставив свои вещи, стало в хвост очереди. Открыли котлы. Сестры предложили кадетам по очереди подходить и брать котелок и ложку, каждому выдавали по большому куску белого, пушистого хлеба, а котелок наполняли наваристым густым супом с большим куском вареного мяса. Получившие отходили в сторону, быстро съедали свою порцию и становились снова в хвост очереди за добавкой. Сестры продолжали выдавать подходившим, очевидно намеренно, не замечая движения очереди, конца которой не было видно; получался замкнутый круг. Когда же был выдан последний кусок хлеба и опорожнены все котлы, сестры выразили сожаление оставшимся в очереди кадетам, а их было тоже количество, что и вначале, что у них, к сожалению больше ничего нет. Очередь разошлась и кадеты делились впечатлениями об обеде и хвастались успехами, кому сколько раз удалось получить добавку. Оказалось, что более проворным удалось проделать эту операцию два раза.

После сытного и вкусного обеда, кадет перевели в другое здание, мало отличавшееся от прежних, тот же бетонный пол с углублениями и возвышениями, разбросанными в хаотическом беспорядке, очевидно служившие для установки машин; кирпичные голые стены с окнами без стекол и широкими проймами без дверей; крыша перекрывала все здание, но в ней были громадные дыры, через которые проглядывало голубое небо, свежий морской воздух наполнял неуютное помещение и слегка продувал ветерок.

Кадетам предложили устраиваться на ночлег. Выбирал каждый место в одиночку или располагались группами, некоторые спускались в углубления, надеясь устроиться в них уютнее. Избегали устраиваться под дырами крыши, боясь, что ночью может быть дождь. Аккуратно раскладывали на полу свои шинели, которые заменяли матрацы, а вещевой мешок служил подушкой. Спешили устроиться на ночлег до наступления темноты. Здание не имело освещения. День неожиданных переживаний приходили к концу. Время быстро шло. На дворе спускались сумерки. Наступал вечер.

Звуки сигнала «сбор» разнеслись по помещению, призывая кадет строиться на вечернюю молитву. Кадеты стягивались к дежурному офицеру и становились в строй, образуя не замкнутое каррэ. Директор, командиры сотен и воспитатели стали перед строем. Трубачи вышли вперед. «Корпус смирно! На молитву шапки долой! Трубачи Зарю!» — Раздалась команда дежурного офицера. Звуки «Вечерней Зари», казалось, особо торжественно, разливались в пустом здании, отдаваясь эхом в далеких углах, унося мысли кадет на далекую недавно покинутую Родину. Замолкли трубы... Команда «На молитву» вернула кадет к действительности. Запели молитву. Первую вечернюю молитву на чужой земле. Молились о даровании им хлеба насущного... о спасении их... о победе православным людям»... и последние слова молитвы «и сохрани крестом Твоим жительство», унеслись в высь и растаяли в пространстве. Наступила торжественная тишина, длившаяся, казалось очень долго.

«Завтра утром» — нарушив тишину, обратился к строю директор корпуса — «после завтрака будем грузиться на поезд. Станция находится в нескольких верстах. Больные и женский персонал будут перевезены на автомобилях. Остальные отправятся пешим порядком. Вещи перевезут на грузовиках. Под-

робный план погрузки на поезд будет сообщен завтра утром. Нас перевезут на север Королевства в Словению и разместят в бараках лагеря». Пожелав спокойной ночи, директор приказал распустить строй. После сигнала «отбой» и команды «разойтись», кадеты направились к своим импровизированным кроватям укладываться на ночлег. Через короткое время все погрузилось в глубокий сон.

В громадном, не жилом, холодном помещении воцарилась мертвая тишина. Абсолютный мрак ночи покрыл всех спящих, отдыхающих от необычайных переживаний первого дня на чужой земле.

В. С. Данилов.

ПОХОРОНЫ ХИМИИ

Весной 1927 года, IX выпуск Русского Кадетского Корпуса в Сараево, кончил шестой класс и этим заканчивался один важный этап нашей кадетской жизни, так как мы переходили в первую роту.

Но, не только поэтому был для нас важен шестой класс, но еще и потому что мы кончили изучение некоторых предметов и между ними была и химия. И вот, соблюдая одну из старых традиций Кадетских Корпусов в России, по которой класс, заканчивающий изучение химии, должен был ее «хоронить», и мы решили «похоронить» нашу химию.

Конечно, эти похороны были символическими, так как хоронилась только книга по химии нашего преподавателя Седлецкого, но все же, это были своего рода — похороны, так как книгу клали в гроб и сжигали ее и все закапывали в землю. И если описать похороны химии легко, то нам в то время было совсем не легко осуществить эту нашу затею.

Главным препятствием к осуществлению этой нашей затеи было то, что наш директор корпуса Генерал Адамович не разрешал нам такие вещи и потому можно было и надо было расчитывать, что дежурный офицер попытается задержать нашу процессию еще при выходе из спальни.

Но даже, если бы нам и удалось выйти благополучно из спальни, этим еще не были закончены наши затруднения, так как даже после выхода, мы могли встретить на лестнице или даже при выходе на плац, какого-нибудь другого офицера из другой роты и он тоже, конечно, попытался бы нас задержать и вернуть назад в помещение нашей роты.

Поэтому мы выработали такой план: впереди нашей похоронной процессии должен был идти кадет с хорошими баллами за поведение и учение и, этот кадет должен был не исполнить приказания дежурного офицера и не возвращаться назад в помещение роты, а так как у этого кадета были хорошо баллы за поведение и учение, его не выгнали бы из корпуса за неисполнение приказания, и выбор пал на меня идти впереди.

Но, это еще не было все, и мы решили выбрать день похорон тогда, когда был такой дежурный офицер, который редко выходил из своей комнаты после вечерней переклички и молитвы и таким образом наши шансы проскочить на плац незамеченными — были максимальные. Еще мы решили послать двух-трех кадет пятого класса к дежурному офицеру в комнату перед выходом из спальни, чтобы отвлечь его внимание от возможного шума при выходе тридцати человек из спальни в коридор и на лестницу.

Конечно, в нашу спальню были перенесены заранее все необходимые для похорон вещи: деревянный гроб, сделанный нашими «столярами», то есть кадетами, работавшими в столярном классе, затем, бумажные одеяния для кардиналов и папы, но не римского, а нашего сараевского кадета Бессонова, затем, разные химические вещества, которые должны были гореть во время похорон и, наконец несколько десятков палок от городков — игры, которой увлекались кадеты на корпусном плацу.

Эти палки нам были нужны для факелов во время процессии, так как мы их обмотали тряпками, пропитанными долго горящим веществом.

И вот, в назначенный день, вечером после вечерней молитвы, мы все быстро выходим в нашу спальню и начинаем приготовления. Больше всего времени идет на облачение «папы» и «кардиналов», а мы надеваем на головы белые колпаки и заворачиваемся в простыни.

Но вот, все готово и мне говорят — выходи! Я потихонько открываю дверь в коридор и смотрю на кадет «на махалке». Один стоит около лестницы, а второй около комнаты дежурного офицера. И только после того, как я получил знак рукой, что путь свободен, я быстро выхожу из спальни и мы быстро спускаемся вниз в коридор около столовых.

И тут происходят последние приготовления: мы зажигаем факелы и начинаем выходить на плац. Я иду первым, стараюсь идти очень медленно и «торжественно» и вижу, что начи-

нают открываться окна в помещении первой роты, так как она, конечно, знала о наших похоронах химии.

Дохожу до турника и поворачиваю налево и вижу, что и окна третьей роты открыты и на нас тоже смотрят оттуда, и вижу что выходят из конюшен солдаты, чтобы посмотреть на такое редкое зрелище.

Приближаюсь к конюшням и поворачиваю налево и проходя теперь мимо конюшен вижу солдат, которые вытягиваются и отдают нам честь.

Место похорон находится между виллой «Рифка» и конюшней и подходя к нашей цели, вижу, что и окна «Рифки» открываются и оттуда на нас с удивлением смотрит публика. Но вот, подхожу к вырытой яме и вся процессия стягивается и занимает свое место, и начинается «служба». Конечно, я забыл уже все возгласы «папы» и «кардиналов», и да и ответы хора, но даже если бы их и помнил, не смел бы их тут повторить.

Однако, помню, что Гей-Люссаку и Авогадро и Жерару больше всего досталось. Пропитанная разноцветными химическими веществами наш химия быстро сгорает и мы все зарываем, тушим факелы и быстро возвращаемся в свою роту.

В роте полная тишина, никого не встречая, мы быстро раздеваемся и ложимся спать. А, на следующее утро, директор Корпуса, Генерал Адамович, вызвал нашего «придворного», то есть корпусного фотографа кадета С. Вишневского, который сделал несколько снимков нашей процессии, и приказал ему принести негативы и «случайно» уронил их на пол и потому возможно, что вообще и не осталось никаких «вещественных» следов нашей проделки.

А из нашего класса никто не пострадал и никого не вызывал ни наш воспитатель, ни директор корпуса и мы вскоре разъехались на летние каникулы.

В. Новицкий.

НАДПИСИ НА СТЕНАХ КАРЦЕРА.

По воле Провиденья,
Чтоб не топтался зря,
Попал в се заведенье
В начале сентября.
За что же я томился?
За что же я страдал?
За то, что на свободу
Из корпуса удрал.

Кто заключен сюда, друзья?
Вчера был ты, сегодня я!..

Судьбою злою обречен,
Пять суток здесь томился он!!!

Сижу не волею богов,
А по капризу дураков!

Уже давно весь мир культурный
Решил носить воротничок.
Ведь это чисто, так опрятно,
Начальству это невдомек!
А вот раб Божий Христофоров
Решил плевать на предрассудок
И без дальнейших разговоров
Сюда посажен на пять суток.

Сюда попал по воле рока,
За то, что спал в конце урока.

Сижу 18-й раз
П. Григорьев 21-й

За невзгодами — невзгоды,
Не поставьте мне в укор,
Я опять лишен свободы,
Вел во фронте разговор.

Скорей померкнет мира свет,
На землю явится Создатель,
Чем прав окажется кадет,
А виноватым воспитатель!

Эх, господа, Не унывайте!
На том свете все будет наоборот!

Если с неба вода льется,
Это значит дождь идет!

А я и не знал!

Не унываем никогда,
На жизнь мы смотрим здраво,
А в общем держим мы всегда
Равнение направо!

Возмутительная несправедливость,
Вопиющее безобразие,
Сажать в карцер накануне отпуска!
Будто нет для этого понедельников!

Надписи эти были в разных корпусах, в частности в Морском, во 2-м кадетском, в Одесском и в других.

Собрал и записал *А. Росселевич.*

«БАМБУКОВ 5-й».

"Одни лишь нас не забывают,
Всегда улыбочки нам шлют —
Лихая гвардия Венеры —
Донской Мариинский Институт".

"Звериада".

Маленький, даже для Югославии, городишко Белая Церковь, в мое время был большим русским центром. Сюда часто приезжал Главнокомандующий, генерал Врангель, первоиерарх Русской православной церкви заграницей, митрополит Антоний, и лучшие артистические силы зарубежья, включая знаменитого борца Ивана Заикина. В Белой Церкви были размещены: Николаевское Кавалерийское Училище, Крымский Кадетский Корпус и «лихая гвардия Венеры» Донской Мариинский Институт.

Присутствие в городке такого количества учебных заведений делало Белую Церковь фактически «оккупированной» русскими, — постоянно устраивались парады, гимнастические выступления, футбол. Бесперебойно работал театр и часто устраивались лекции и балы. Амур не дремал, поражая юные сердца своей стрелой.

Институтки сохранили свою прелестную голубую форму, за что и получили прозвище «голубых улан», а когда появлялись на городской аллее, толпы кадет окружали их со всех сторон, выбирая местом своих прогулок именно эту аллею, но... подходить близко к прекрасному полу и разговаривать не разрешалось. Их зорко охраняли «классидры» (классные дамы) и нам оставалось лишь лицезреть милых подруг, да и то с почтительного расстояния.

Смельчаки рисковали, — во время прогулок передавали письма своим симпатиям и... самая прекрасная любовь расцветала в юных сердцах, лишний раз подтверждая всем известные слова Пушкина о том, что «любви все возрасты покорны».

Помню, перед Р. X., у нас свирепствовала эпидемия скарлатины. Кадетам было строжайше запрещено появляться на аллее. Скарлатина заразна, легко передаваема, значит может поразить «голубых улан». Тогда прощай все увеселения, встречи в частных домах, елки, балы. Но запретный плод всегда сладок и был нарушен еще прародительницей Евой и наши «страдальцы» (так называли влюбленных кадет) нарушали приказ, рискуя попасть под арест, остаться без отпуска, а то и

подвергнуться сбавке балла за поведение. Что делать? — Любовь не картошка. Разве можно прожить день, не увидев «ее»? И «страдальцы», как правило, регулярно появлялись на аллее.

В день, о котором я хочу рассказать, «эскадрон голубых улан» вела княгиня Кугушева. Старенькая сморщенная старушка, почти вышедшая из ума, но еще исполняющая обязанности классной дамы, вероятно за старые заслуги, а быть может, как титулованная особа, она, как английский премьер-министр Чемберлен, никогда не расставалась со своим зонтиком. Это «страшное» оружие она употребляла не только от дождя, но и против нас. Завидя на аллее «врага» — сиречь кадет, она, как «баба-яга», подняла свое оружие и остановила «эскадрон», а сама бросилась в атаку на врага, невинно сидевшего на скамье у края аллеи.

— Как вам не стыдно, а еще будущие офицеры! — выпалила классная дама.

Последующие «жалкие слова» приводить не буду. Старушка нападала на мирно сидевшую группу кадет, институтки хихикали, а кадеты делали вид, что фонтан красноречия ни в какой мере их не касается. Видя, что общее внушение не имеет никакого положительного действия, беспокойная дама выбрала жертву и с лихостью, не свойственной ее возрасту, устремилась к самому младшему кадету, скромно сидевшему и опустившему глаза.

— Да, вы встаньте, когда с вами разговаривает дама! — выкрикнула она своим голосом княгини.

Кадет встал смирно, приложил руку к головному убору и спокойно смотрел на неунимавшуюся старуху.

— Ваша фамилия? — спросила разбушевавшаяся дама.

— Бамбуков 5-й, — не моргнув глазом, ответил кадет. В институтских рядах послышался сдержанный смех — им была хорошо известна настоящая фамилия кадета. Кадеты же сидели, как изваяния, ни один мускул не дрогнул ни у кого. Старушка опешила: — Почему пятый? — нерешительно спросила она, вынимая из кармана записную книжку. — Потому что нас пять братьев Бамбуковых, я самый младший — значит пятый, — следовал убедительный ответ.

Фамилия была явно вымышленная, это знали все присутствующие и институтки. Чувство товарищества не было чуждо и им, они сразу перестали хихикать.

— Я доведу до сведения вашего директора о вашем поведении в присутствии дамы, — бросила класидра, повернула «эскадрон» в обратном направлении и, как победитель, зашагала рядом.

А через несколько дней, во время вечерней поверки, ротный командир читал приказ по Корпусу, в котором упоминался случай, происшедший на аллее, и когда дошел до места, что один кадет, «не имея гражданского мужества» назвать свою фамилию, назвал себя Бамбуковым 5-м, рота не выдержала, общую тишину нарушил дружный здоровый смех, не выдержал и сам командир роты — полковник Чудинов и, чтобы стушевать происшедшую неловкость, подал команду:

— Разойтись!

† В. Ливай.

О НАШИХ БЕСЦЕННЫХ ИНСТИТУТКАХ.

Мы вспоминаем институток,
Как свежесть неба, как цветы,
Как нежных стройных незабудок,
Как милой юности мечты!
В очарованьи грез волшебных,
Отдали им сердца на век!
И с пеньем гимнов им хвалебных,
Земной свершаем вместе бег...
У них характер мягкий, ровный...
Не спорить, только, никогда!
Ведь я глава семьи условный,
И помнить это — не беда!
Они настойчивы, упорны, —
Весьма похвальная черта!
А мы должны им быть покорны, —
У них и власть и красота!
Они на диво кулинары! —
Хоть подгорел, но вкусен суп...
И громче рева Ниагары,
Хвали, супруг, коль ты не глуп.
Они, конечно, не капризны...
Но никогда не забывать
Все годовщины, дни и тризны,
И хоть цветами отмечать!

Для них мужья — души кусочек, —
На первом месте мы для них!..
Мы сразу после мам и дочек,
Сестер и тетушек иных...
Мы ошибаемся не редко...
И сомневаемся порой, —
Они поправят нас, не едко,
И топнут вежливо ногой...
Автомобилем управляют,
Когда сидим мы за рулем...
И осторожность нам внушают,
Когда мы с места резко рвем...
Прекрасны эти институтки:
Умны, красивы и стройны!..
Не смейтесь!.. Льстивость прибаутки,
Спасет от «внутренней» войны.
Пришла, иль нет к тебе забота,
Они нас учат, нас бранят...
Не спорь, хоть к спору есть охота, —
Они нас любят и хранят...
Пришел с работы — все готово!
Жена в дверях — семейный быт!
Поговоришь о том, что ново, —
Прошел часок и стол накрыт...
В домах уютно, — заходите!
Альбомы, вышивки, коты...
За день, примерно, позвоните, —
Нам пыль стереть, убрать цветы...
Хвалил как мог!.. Ведь институтка
Моя жена, — мой верный друг...
Но думаю, что эта шутка,
Не так легко сойдет мне с рук...
Вернемся ж к правде!.. Кроме шуток,
Они опора наших дней!
И были б мы без институток,
Как ночь слепая без огней.

11 Июля 1974 г.

Игорь Автамонов.

Аделаида, Август 1975 г.

ПРИЯТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ НЕДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО.

Август 1974 г. — один из самых интересных, знаменательных и незабываемых месяцев в нашей, т. е. моей и моей жены, жизни. Волею судеб нам предоставилась исключительно счастливая возможность из далекой Австралии прилететь в месячный отпуск в Сан Франциско в то время, когда там как раз должен был состояться с 4-го по 10-ое Августа 4-ый Съезд Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов. Если этот Съезд и не был причиной нашего путешествия, то во всяком случае при нашем желании на него все-таки попасть, он послужил веским поводом к тому, что мы выбрали для нашей поездки именно этот месяц. Вылетев из Сиднея в 5 ч. вечера 25-го Июля, пробыв в воздухе около 18 час. и с одной короткой остановкой в Гонолулу, мы прибыли в Сан Франциско в 5 ч. вечера того же 25-го Июля с запозданием только в 5 минут. На аэродроме нас встретила семья Фолькертов — наши старые еще по Австралии дорогие друзья, которые 17 лет тому назад покинули Австралию и переехали на жительство в Сан Франциско. С тех пор наша регулярная переписка с ними никогда не прекращалась и мы всегда питали надежду хоть однажды все-таки еще свидеться. И вот этот счастливый момент пришел. Встреча была трогательно-радостная, родственная и мы бросились друг другу в объятия. Здесь были Ромил Адольфович Фолькерт, его супруга — Елизавета Петровна, их замужняя дочь Марина Ромиловна с сыном Сандриком. Муж Марины Ромиловны и их дочь были в это время на даче на Русской Речке.

С аэродрома, на своем большом автомобиле Ромил Адольфович доставил нас всех к себе домой, где нам был оказан радушный прием и предоставлен на все время пребывания в С. Ф. приют — исключительно внимательный, заботливый и сердечный.

Р. А. Фолькерт в прошлом Кадет 3-го Московского, а под конец IV в. I Русского Кадетского Корпуса, ныне действительный и активный член О.К.О. в С. Ф. любезно позаботился внести нас в списки будущих участников на общих собраниях как местных, так и ожидаемых на Съезд кадет, их семей и друзей.

Таким образом мы имели счастье и удовольствие присутствовать на торжественном молебне, на официальном открытии Съезда, на завтраке, концерте, ужине и на заключительном балу. Трогательное и предупредительное ко всем внимание со стороны организаторов, устроителей, распорядителей и членов Президиума, и вообще вся обстановка — чисто кадетская, национально-патриотическая атмосфера, прекрасно украшенные стены приемных зал портретами, национальными флагами, кадетскими реликвиями, эмблемами и погонами — все это произвело на нас и в особенности на меня (бывшего кадета и одно время офицера воспитателя) самое отрадное, необъяснимо волнующее, приятное впечатление, которое можно понять и пережить только испытавши лично.

Я искренне и очень сожалел и сожалею, что среди присутствовавших кадет не было ни одного из бывших воспитанников класса, которым я ведал, а с теми несколькими из бывших Кадет-Крымцев, которые нас опознали и к нам подходили (Шамбо, Бойчевский, Павлов и др.) и так мило и ласково встретили, к сожалению как-то не было случая и достаточного времени как следует побеседовать.

В частности, мне обидно и даже несколько мучит совесть, что я не смог ни поговорить, ни хорошенько поблагодарить Бориса Пылина — автора книги «Первые 14 лет», которую так любезно он сам дал мне в руки, да еще с собственноручной милой надписью. Правда, как бы в оправдание или объяснение, должен сказать, что момент этот был какой-то неудачный, а именно при выходе уже всех из зала, перед спускающейся лестницей, где задерживаться было трудно, а кроме того это было так для меня неожиданно, что все вышло очень поспешно и действительно, что называется, находу.

Не имея адреса автора — б. Крымца Б. Павлова, чтобы ему написать, я пользуюсь случаем, чтобы хоть здесь выразить ему нашу искреннюю признательность. Книгу мы прочли с большим интересом и удовольтсвием — написана она живо, правдиво, последовательно и легким, приятным слогом. Рекомендую ее всем. Очень хотел бы прочесть и будущий его том: «О том, что было потом». Еще раз спасибо ему!

Признателен и очень благодарен также А. Бертельс-Меньшому за несколько добрых слов, написанных обо мне в «Перекличке» № 10.

Были мы с женой бесконечно счастливы сразу же по прибытии в С. Ф. нанести визит Его Высокопреосвященству Вла-

дыке Антонию, которого потом встречали несколько раз и на Съезде. Владыку мы хорошо еще знали по Крымскому Кадетскому Корпусу — кадетом 5-го и 6-го класса (всегда прислуживавшего и читавшего в Кадетской Церкви), а через 30 с лишком лет встретили Его в Австралии, куда Он прибыл уже Архиереем, Викарным Епископом Австралийской Епархии.

Два-три раза в год во время Его посещения нашего прихода в Аделаиде, мы имели счастье предоставлять Ему в нашем доме кров и стол на время пребывания и так продолжалось в течение 10-11 лет впредь до Его отбытия в С. Ф. на кафедру Архиепископа Западно-Американского и С. Ф. Знали мы хорошо и Его покойного отца С. Н. Медведева (в прошлом Директора Гимназии в Вильно), солидного, серьезного и строгого Преподавателя истории в том же Корпусе, а в Белой Церкви мы даже жили с ним на одном дворе в соседних квартирах на ул. Воеводы Мишича и, конечно, часто виделись.

В какой-то момент на Съезде мы впервые имели честь и счастье быть представленными Е. В. Княжне Вере Константиновне, с которой обменялись несколькими фразами. Представил нас Ей Владыка Антоний, причем Ее Высочество так мило и просто поцеловалась с моей женой. Говоря о редких и приятных встречах, не могу не упомянуть, что мы имели случай и удовольствие навестить б. в Корпусе преподавательницу французского языка — Инну Петровну тогда Г-жу Делову, ныне Г-жу Скурыдину. Приятно было встретить и видеть за столом Президиума Е.В.П. Владыку Серафима, б. Кадета Одесского К. К., которого мы хорошо знали молодым человеком по Брюсселю.

Очень были счастливы также навестить вдову б. Оф.Восп. К-са Кап. Маевского — Зинаиду Владимировну, старшую дочь покойного Директора Ген. Лейт. Римского Корсакова теперь совсем совсем одинокую. Генерал умер в Париже и там похоронен на Кадетском участке кладбища, среди б. своих воспитанников. Его супруга, младшая дочь Ольга Владимировна и мужья дочерей — умерли и похоронены в С. Ф., таким образом бедная Зинаида Владимировна, пожилая дама, осталась одна в 3-хэтажном доме, за которым ей присматривать, конечно, не по силам. Она часто, если не находится близко, не слышит ни квартирного ни телефонного звонка, так что с ней трудно поддерживать связь, не предупредив заранее о визите или телефонном вызове в такое-то время. Мы лично

известили ее письмом о нашем прибытии в С. Ф. и желании ее навестить. По телефону сговорились о дне и часе визита. В назначенное время она ждала нас с накрытым столом и с любовью и заботливостью приготовленным угощением. Сколько мы ее знаем и помним — она всегда была очень гостеприимна. Встреча была радостная и исключительно трогательная и незабываемая. Нам удалось таки за короткий срок пребывания в С. Ф. навестить ее 3 раза. К счастью нашлась на месте добрая душа, которая принимает посильное участие в нелегком положении Зинаиды Владимировны и, как может, во всем ей помогает.

Эта дама, дочь б. Оф. Восп. Крымского К. К. Кап. Транковского, сама обремененная семьей, детьми и внуками, все же находит возможным придти Зинаиде Владимировне на помощь. Спасибо ей большое!

Несколько раз были мы в Кафедральном Соборе на церковных службах; с большим удовольствием слушали великолепный Архиерейский хор, а также и детский — гимназический, тоже очень хороший хор, хотя он и был не в полном своем составе из-за летних каникул.

Говоря о посещении Кафедрального Собора, не могу не упомянуть в связи с этим один конфузный с нами случай. В середине августа, на неделе выпал двунадесятый Праздник Преображения Господня (19-го н. ст.). Мы, будучи все время в движении и под непрерывно меняющемся впечатлении от всего виденного, как-то потеряли понятие о времени и календарных днях, и совершенно упустили из виду этот большой Праздник; вспомнили о нем вдруг, увидя около Собора, мимо которого как раз проезжали, прихожан с освященными фруктами.

Здесь мы поняли нашу оплошность, тем более, что у нас это утро оказалось одно из свободных. В ближайшее же воскресение в Соборе после Богослужения, в беседе с Владыкой Антонием, узнали, что Он был очень огорчен не видя нас на Литургии, но предположил, что мы могли быть в какой-нибудь другой Церкви. Будучи же заранее уверен в нашем присутствии на Его служении, Валдыка специально одел на этот день Мантию и золотое облачение именно то, которое когда-то в Австралии моя жена Ему собственноручно сшила и преподнесла. Мы были бесконечно сконфужены и огорчены происшедшим недоразумением, глубоко оценили внимание и трогательный жест Владыки, благодарили и просили прощения.

Вспоминая этот случай, мы до сих пор чувствуем себя сконфуженными и еще раз просим Владыку принять это как действительно невольную оплошность.

Все описанные выше визиты, да и многие другие были возможны для нас только благодаря добрым любезным друзьям, все тем же Фолькертам, которые почти ежедневно на своем автомобиле вывозили нас если не к друзьям или знакомым, то чтобы показать нам город и его окрестности. Таким образом нам удалось видеть многих и многое. К великому нашему сожалению месяц пролетел слишком быстро и надо было возвращаться к себе домой в Австралию.

Из солнечной теплой Калифорнии прилетели в Сидней в дождь и свежую погоду. В Аделаиду же попали только через несколько дней не имея возможности, из-за очередной Австралийской забастовки получить билеты ни на один из способов передвижения.

Прошел ровно год с тех пор, но все пережитое в то время и выше описанное еще ярко стоит перед нашими глазами.

Полковник В. Тихомиров.

НАЧАЛО КОНЦА.

Мое преподавание в Кадетском Корпусе продолжалось недолго — всего пять лет, но из этих пяти четыре года по справедливости могут быть названы самыми тяжелыми годами существования Корпуса, за исключением, быть может, первых лет после эвакуации из России. Воспоминания о Корпусе этого периода неразрывно связаны у меня со стуком деревянных подошв кадетских ботинок — дерево было единственным доступным материалом для подметок (во всяком случае — в третьей роте). И я хорошо помню, как в одном из классов третьей роты вызванный отвечать кадет вышел к доске босиком... Как сейчас вижу эту фигуру, несколько смущенную, но стоящую по всем правилам «смирно» у доски босиком на холодном полу. — У него развалились ботинки, и он не смог сразу получить замену. И еще звучат в моих ушах слова ген. Крейтора после принятия парада в день Корпусного Праздника: «Убог ваш дом, кадеты, бедна ваша одежда, но в глазах все тот же блеск, и в груди вашей бьется все то же сердце русских кадет!..» Да — и в эти тяжелые годы Кадет-

ский Корпус не переставал быть Кадетским Корпусом, среди лишений кадеты сумели сохранить все лучшие традиции Российских Кадетских Корпусов!

Тяжелые годы существования Корпуса совпадали, с тяжелыми годами всей приютившей нас страны — Югославии, оккупированной немцами, разорванной на части, раздираемой гражданской войной, залитой кровью. О периоде начала «черных» лет уже писалось на страницах сборника «Кадетские Корпуса», но думаю, что небезинтересно будет отметить еще кое-какие подробности этого периода. В некоторых подробностях мои воспоминания несколько расходятся с описанием «Кадетских Крпусов» — что поделать: пишу так, как сохранила мне память.

25 марта 1941 года, вернувшись с уроков домой, я обратил внимание на то, что моя хозяйка-немка, у которой я снимал комнату, ее дочь и сын находятся в каком-то мрачном настроении. Из разговора выяснилось, что они весьма огорчены известием о «договоре дружбы», заключенном между Германией и Югославией, согласно которому Югославия обязывалась хранить строгий нейтралитет, а Германия — соблюдать неприкосновенность Югославянских границ. «Мы надеялись, что будет война — доверительно сказал мне хозяйский сын, — что Фюрер освободит нас и присоединит эти земли к Австрии, т. е. теперь уже к Германии...»

Через день после этого, 27 марта я проснулся утром от громких звуков хозяйского радио, игравшего югославянский гимн. Затем следовали какие-то сообщения, которых я не мог разобрать, и опять гимн. Когда я одевшись вышел к хозяевам в кухню, меня встретили сияющие физиономии всех членов семейства. — В Белграде произошел переворот, правительство пало, молодой король Петр взял власть в свои руки, новое правительство образовано генералом Симовичем — противником каких бы то ни было соглашений с Германией. В Белграде происходят демонстрации под лозунгом «болье рат, него пакт» (лучше война, чем договор). По слухам германский посланник подвергся оскорблениям на улице со стороны толпы демонстрантов.

«Ну, теперь война — не скрывая радости сказал хозяйский сын — Фюрер не потерпит этого!..»

Было ясно, что он совершенно прав — война стала неизбежной, хотя Югославия была фактически безоружна и к войне совершенно не подготовлена.

В учительской Корпуса настроение было подавленным. Хотя мы и старались убедить друг друга, что как-нибудь «обойдется», в глубине души все сознавали, что на этот раз не «обойдется», что война, а следовательно разгром и оккупация Югославии были неизбежны.

Должен признаться, что с моей точки зрения оккупация Югославии была все равно неизбежна. — Впоследствии выяснилось, что в «договоре дружбы» был секретный пункт, по которому Югославия обязывалась пропустить через свою территорию германские войска для нападения на Грецию, которая с помощью англичан успешно отражала все попытки итальянцев перейти в наступление из Албании.

Я уверен, что как только германские войска оказались бы на территории Югославии, они оккупировали бы страну так сказать «изнутри».

Пока, однако, жизнь текла как будто бы нормально, только было ясно, что в стране идет мобилизация. 31-го марта была получена телеграмма от Министерства Просвещения, предписывающая немедленно прекратить занятия и распустить учащихся по домам. Вечером 31-го и утром 1-го апреля кадеты и институтки уехали, остались только такие, которым некуда было ехать.

Потянулись тоскливые дни вынужденного безделия, и все больше давило сознание нависшей над страной катастрофы. Появилось распоряжение об обязательном затемнении — очевидно нападения ожидали со дня на день. Улицы города усиленно патрулировались полицией, войсками и добровольцами-гимназистами сербами.

В субботу 5-го апреля мы с моим приятелем и коллегой, преподавателем естественных наук, пошли в кино, чтобы хоть немного «развлечься». На обратном пути встретили знакомых и стояли на углу, разговаривая, когда к нам приблизился военный патруль и вежливо, но решительно потребовал, чтобы мы немедленно разошлись — собираться группами на улицах было запрещено.

В воскресенье 6-го апреля я проснулся от трескотни пулеметов... Обстреливали аэроплан, правда, как потом выяснилось, свой же, югославянский! Но, во всяком случае, война началась.

Наскоро приведя себя в порядок, мы с моим приятелем отправились к знакомым, послушать радио. Белград давал в

то утро только одну передачу — она врезалась мне в память от слова и до слова... Вот она в русском переводе:

«Внимание, внимание! Радио Белград! Германия сегодня в 5 часов утра объявила войну Югославии. Столкновения начались. Сегодня между семью и восмью часами бомбардирован Белград с аэропланов. Все граждане должны сохранять спокойствие, оставаться на своих местах и оказывать помощь соседям в случае необходимости».

Следовала небольшая пауза — и опять: «Внимание! Внимание! Радио Белград!..» около 9-ти часов спикер, прервав сам себя, сообщил, что начинается новая бомбардировка Белграда, и после этого радио Белград умолкло. Станция была разбита.

Настроение было совсем подавленным, и еще больше ухудшалось оно тем, что деньги из Белграда не пришли, и жалования нам не выдали.

Город по-прежнему строго патрулировался, однажды я получил замечание от патруля гимназистов за то, что окно мое было плохо затемнено. Нужно сказать, впрочем, что блюстители порядка были со мной вежливы безукоризненно. Но хозяева мои правило о затемнении соблюдали не слишком-то строго; они, кажется, вообще решили, что с сербским правлением уже покончено — и за это слегка поплатились. Однажды вечером я услышал звон разбитого стекла — кто-то с улицы разбил плохо затемненное окно хозяйской гостиной. Хозяйка не вставляла стекла до самого прихода германских войск — пусть немцы посмотрят на безобразия, которые творили сербы!.. Насколько мне известно, это был единственный случай «хулиганства» во всем городе.

Погода резко изменилась, стало холодно и ветрено, пошел густой мокрый снег. Возможно, что эта перемена погоды спасла Белград, который по первоначальному плану должен был быть сметен с лица земли. В такую погоду бомбить Белград было затруднительно, а когда погода опять установилась, то бомбить уже не было смысла — война фактически закончилась, немцы занимали территорию Югославии без всякого сопротивления со стороны югославян.

Однажды вечером, когда мы с двумя моими сослуживцами сидели в моей комнате, за окном послышался топот копыт и стук колес, а затем в окно постучали. Я погасил свет, поднял занавеску, открыл окно... По улице тянулась артиллерия, а под окном крутился на своей неспокойной лошади подпоручик

Петя Юшневский, офицер армии, мой однокашник — только много младше — по гимназии.

«Уходим... прощайте! — проговорил он. — Отступаем на юг, а что дальше будет — Бог весть!..»

Мы все по очереди крепко пожали ему руку. Чувствуя, как в груди подымается какой-то комок, я украдкой перекрестил его на правах старшего однокашника.

На утро довольно рано меня опять разбудил стук в окно. На этот раз содлаты, уже без всякого строя, совали мне деньги и просили купить у хозяев (которые держали бакалейный магазин) папирос «на дорогу». Я исполнил их просьбу, они поблагодарили и пошли дальше — последние войска, покидающие город. Их фигуры еще маячили вдали на пыльной дороге, когда из-за угла вышла группа немецких бюргеров с винтовками за плечами. На рукавах их алели повязки с надписью на немецком языке «полиция». Это были местные немцы, берущие в свои руки бразды правления. Проходя мимо моего окна, они подняли правые руки и я впервые услышал новое приветствие: «Хайл Хитлер!».

Официально Белая Церковь была занята немцами, если не ошибаюсь, 11 апреля, когда в город прибыл немецкий военный патруль на мотоциклах. Но порядок в городе все время царил полный — только в первый день по уходе сербов была сделана попытка растащить облитые керосином и зажженные уходящими продукты. Но попытка была быстро пресечена, пожар погашен — и впоследствии населению выдавали и продавали слегка попахивающие керосином макароны...

Уходя, сербы увели с собой несколько десятков наиболее видных немецких горожан в качестве заложников. Теперь мы наблюдали, как ново-образованная немецкая полиция вела по улицам наиболее видных сербских горожан — их брали, так сказать, «заложниками за заложников». Все они были выпущены, после того как немецкие заложники вернулись домой целы и невредимы.

Вечером в первый же день «новой власти», при том даже после полицейского часа ко мне явился кадет с приказанием Директора Корпуса немедленно явиться в Корпус. По дороге нас остановил немецкий патруль, но, к счастью, в маленьких городках все знают друг-друга в лицо. Добродушные бюргеры, волею судьбы превратившиеся в грозных блюстителей порядка, узнали во мне преподавателя Корпуса, кадет же (к сожа-

лению, не могу вспомнить, кто именно это был) был в военной форме — и нас отпустили с миром.

В Корпусе выяснилось, что новые власти поручили Корпусу охрану той дороги, которая проходила перед зданием. Наша застава была первой, а около следующей казармы по направлению к городу стояла вторая, уже немецкая застава. У нас решено было составлять патрули из одного воспитателя или преподавателя и одного кадета. Сменяться каждые два часа. Для вооружения этих патрулей было прислано несколько берданок и некоторое количество патронов, из расчета, кажется, по одному на берданку. Во всяком случае, выходящим в патруль выдавалось два патрона. Из осторожности было решено держать оружие незаряженным, и оба патрона должны были находиться у преподавателя или воспитателя. Предоставляю читателю судить, что происходило бы в случае нападения... Берданки были на веревочках, первое, что было сделано в Корпусе, это замена веревочек добротными широкими ремнями.

Думаю, что городские власти отлично знали, что никакой опасности с этой стороны не грозит и охрана была организована только из сугубой осторожности. Впрочем, один раз опасность возникла, только совсем не с той стороны, с какой ее ждали. — Со свойственной немцам пунктуальностью полицейские власти почти каждую ночь проверяли — на месте ли заставы. Один раз такая проверка произошла во время дежурства моего с вице-фельдфебелем Корпуса А. Iорданом. У нас все обошлось благополучно, но вот во время дежурства полк. Карпова произошло небольшое, траги-комическое осложнение. Полк. К. не остановил приближающийся в темноте контрольный патруль, позволив ему подойти вплотную. На беду один из «контролеров» оказался... под сильным воздействием винных паров и разразился бранью по адресу нашей заставы, тыча — для усиления впечатления — дулом ружья в живот полк. К. А уж его то ружье было, несомненно, заряжено. С величайшим трудом другому полицейскому и вызванному дежурному офицеру-воспитателю удалось успокоить разбушевавшегося представителя власти.

Время шло. 17 апреля Югославия официально капитулировала. К этому времени над Корпусом стряслась новая беда — несколько кадет заболело брюшным тифом. Говорили, что отступая сербы заразили колодцы, находящиеся около ка-

зарм, бациллами тифа. Не знаю, так ли это, или эпидемия вспыхнула совершенно случайно, но теперь вход и выход из здания был запрещен, в здании остались только кадеты (здоровые и больные), Директор Корпуса, один из офицеров-воспитателей — если не ошибаюсь полк. Я. Н. Рещиков, сестра милосердия Д. С. Жолкевич и кто-то из кухонного персонала, к сожалению не помню, кто именно. Швейцар Корпуса лежал в тифу. Кроме того, в Корпус добровольно переехала для ухода за больными, среди которых оказался и ее сын, Е. М. Боголюбова.

Для нас, преподавателей и воспитателей, такое положение грозило катастрофой. Дело в том, что жалования нам не платили, да на наше жалование было бы уже невозможно прожить, но с разрешения Директора мы могли получать в Корпусе обеды, пока хозяйственная часть располагала какими-то остатками запасов. Теперь же эта возможность отпадала. К счастью, начальница Донского Института, Н. В. Духонина, вошла в наше положение и разрешила нам получать обеды в Институте, где также осталось несколько воспитанниц, и поэтому кухня продолжала функционировать.

Потянулись томительные дни вынужденного безделья и полной неизвестности. По милости Божией эпидемия тифа в Корпусе прошла благополучно — новых заболеваний не было, и все заболевшие поправились. Самоотверженный уход сестры Жолкевич и Е. М. Боголюбовой сделал свое дело.

Между тем, жизнь в оккупированной стране как-то налаживалась. Восстановилась связь с Белградом — через некоторое время до Вршца стал ходить автобус, потом по железной дороге до Панчево, а там на пароходике до Белграда (мосты были, конечно, все взорваны). В начале июня в Белую Церковь прибыла на отдых какая-то немецкая воинская часть. И тут оказаолсь, что эпидемия тифа сослужила нам хорошую службу. Немцам пришлось отказаться не только от возможности занять самую благоустроенную казарму в городе, но и от мысли использовать нашу обстановку — в частности кровати. Несомненно, если бы они эти кровати «временно» реквизировали, мы никогда не получили бы их назад.

Вскоре пришло от Отдела Народного Образования предписание — провести везде, где это возможно, экзамены на аттестат зрелости (большую матуру). Это сразу внесло оживление и воскресило какие-то надежды среди корпусного персонала.

Кадетам 8-го класса были немедленно разосланы соответствующие извещения, и тут произошло нечто, что с моей точки зрения можно рассматривать, как чудо. Выпуск был большой, многие кадеты после оккупации оказались «за границей», на территории «независимой державы Хорватии», в областях, занятых итальянцами и т. п. Большинство мостов было взорвано, железнодорожное сообщение находилось в хаотическом состоянии. Всякая поездка была связана не только с многочисленными неудобствами, но и с опасностью. — И все-таки ВСЕ кадеты и ВСЕ институтки (правда, в Институте выпуск был малочислен) явились на экзамены. Конечно, экзамены проходили без участия представителя Министерства, но никакой тенденции использовать это обстоятельство не было. Кадеты готовились добросовестно, преподаватели экзаменовали также добросовестно. Каждый из окончивших вполне заслужил свой аттестат.

Несколько раз заходили в Корпус группы офицеров стоящей в городе немецкой части. Помню один раз такая группа зашла, когда мы еще обсуждали отметки экзаменовавшихся в тот день. Преподаватель немецкого языка, В. Н. Кожин, давал пояснения. Идущий во главе группы пожилой офицер — не помню, в каком он был чине — вдруг резко остановился перед портретом Великого Князя Николая Николаевича и долго смотрел на него с доброжелательной улыбкой на губах. Он узнал своего противника из времен Первой мировой войны.

22-го июня, во время экзаменов пришла потрясающая новость — Германия напала на Советский Союз. Навряд ли нужно описывать ту бурю противоречивых чувств, которую вызвало это событие в душе русских эмигрантов; каждый переживал его по своему, но у всех затеплилась надежда, которой не суждено было сбыться.

Окончились экзамены, кадеты и институтки разъехались, в Белой Церкви стало опять пусто. Все настойчивее вставал вопрос — что же дальше? Будет ли существовать Корпус или нет? Получим ли мы в ближайшем будущем хоть часть причитающегося нам жалования или нет? С намерением выяснить все эти вопросы Директор Корпуса поехал в Белград, и мы с нетерпением ожидали его возвращения. К сожалению, ничего отрадного это его возвращение нам не принесло. Директор вернулся с твердыми заверениями, что Корпус существовать будет, но никаких денег не привез.

Положение преподавателей и воспитателей становилось все более тяжелым. У меня оно становилось просто безвыходным. По молодости лет никаких сбережений у меня не было. Обеды в Корпусе возобновились, но на одних обедах прожить было нельзя. И в это время мой коллега и бывший однокашник собрался ехать в Белград и предложил мне поехать с ним, обещая оплатить мне дорогу. Такого случая я упускать не мог. В Белграде у меня были старые друзья, знакомства, коекакие связи — там была надежда как-то устроиться и пережить это тяжелое время. Уже на следующий день рано утром мы с приятелем «штурмовали» автобус, а к вечеру были уже в Белграде.

† В. Курганский.

С чувством большого прискорбия сообщаем, что один из наших последних преподавателей, Вадим Павлович Курганский, скончался 5 ноября 1975 г. Напечатанная статья написана им и прислана в редакцию за неделю до того, как он был помещен в госпиталь, 8 сентября.

СЕМЬЯ ДУРНОВО.

Разбирая старые письма, наткнулся на несколько писем, датированных 57 и 58 годами от Никиты Дурново. Он тогда, отсидев десять лет в концлагере, был выпущен из Сов. Союза.

Те, кто кончил в 1926 году Крымский кад. корпус его хорошо знают, я же лично знаю его с 1920 года. В 1920 году мы с ним оказались в Крыму, в Феодосии, в 3-м классе, в сводно-кадетской роте при Константиновском военном училище. Потом вместе пережили эвакуацию, вместе были в Стрнище и в Белой Церкви. В моей памяти он остался как хороший товарищ, высоко порядочный, всеми любимый, несмотря на то, что был очень вспыльчив и тогда мог незаслуженно оскорбить, чем попало ударить и наделать больших глупостей. Особенно если дело касалось, как ему казалось, его чести, Никита полностью терял самообладание. В такие минуты у него как-то странно мутнели глаза, — поэтому и прозвище его было «Никитка мутный глаз», на которое он немножко обижался.

В 1926 году мы оба кончили корпус и наши дороги разошлись. Он поступил в Белграде в «Войну академию», а я поехал учиться в университет в Любляну.

Войну с Германией он встретил как капитан-летчик югославянской армии. Его эскадрилья находилась где-то вблизи Мостара. Как мне рассказывали, эта эскадрилья в короткую войну 41-го года не особенно хорошо себя показала. В последний день войны часть самолетов даже не исполнила приказа и не поднялась с аэродрома. Возмущенный поведением своих сослуживцев, на следующий день, узнав о капитуляции и не желая вместе с ними сдаваться в плен, Никита один вылетел на своем аппарате и потом спустился на Браничком поле, близ Белграда. Там он снял с себя югославянские погоны и, как он потом говорил, навсегда распрощался с югославянской армией. Вскоре он уехал на работу в Германию, но перед концом войны он почему-то вернулся в Югославию, где и был выдан советчикам.

Отсидев, как я уже упомянул, 10 лет в концлагере, он каким-то чудом был выпущен как иностранный подданный Заграницу. Вернулся он полным инвалидом, наверно потому его и выпустили. Жена его за это время вышла второй раз замуж и завела новую семью, за что ее, конечно, трудно винить. Кто бы мог предположить, что человек после стольких

лет может вернуться Заграницу из советского лагеря,. А он приехал и остался один, больной и никому ненужный. Но он никогда не жаловался на свою судьбу, в его письмах всегда была бодрость и какая-то теплота и умиротворенность. В одном из своих писем он мне писал: «Что касается меня, то я не жалею о годах проведенных в лагерях и не беру это с трагической стороны. Наоборот, я теперь больше привязался к нашим, — душа уж больно хороша у нашего народа. Да, конечно, годы под советчиной многих испортили, но нельзя ведь по ним всех равнять».

Он все мне писал, что мечтает поехать повидать мать, которая жила где-то под Парижем, он же тогда ютился на окраине Вены. «Вот все собираюсь поехать к маме, да со здоровием моим пока не получается», писал он. Не знаю, удалось ли ему это. Вскоре я получил от его сожителя извещение о его смерти.

У Никиты была сестра Машута и брат Вася.

Вася тоже был наш крымец, только на несколько лет моложе. Помню, он маленький, приходил к нам в роту проведать брата. После окончания корпуса, он поступил в Белградский университет, но мирная жизнь эмигранта его не удовлетворила. Он вступил в Союз Нового Поколения, призывавший тогда русскую молодежь к активной борьбе с большевиками. Этой работе он отдает себя полностью и как завершение посылается с заданием в Сов. Союз. В 1939 году, за несколько недель до начала Мировой войны, он вместе с Шурой Колковым и Леушиным переходит в Польше границу.

Шура Колков тоже наш кадет-крымец. Я его помню тоже еще по Крыму, — мы в один день с ним приехали с фронтов в Феодосию; я попал в 3-й, а он в 4-й класс. В то время еще почти млаьчик, ему было лет пятнадцать, он был уже в погонах вахмистра.

В группе, шедшей в Россию в 1939-ом году Шура Колков был за руководителя, т. к. уже имел в этом деле стаж. В 1938-ом году он ходил с заданием в Россию, пробыл там несколько месяцев и благополучно вернулся обратно. Но из похода 1939-го года ни Вася Дурново, ни Шура Колков, ни Леушин не вернулись. Переход через границу прошел благополучно, но после этого от них никаких сведений не поступило. Начавшаяся война смешала все карты и замела все следы.

Машута Дурново сначала училась в гимназии в Пановичах (Словения), потом, как мне кажется, училась не то в Кикинде, не то в Бечее. Моя жена помнит ее именно по Пановичам. Машута была из них самой озорной девчонкой, бичом классных дам, а потому и одной из самых популярных у подруг. В памяти других, кто ее знал позднее, она осталась как жизнерадостная, всегда веселая молодая женщина. Миловидная, с челкой на лбу, картавящая при разговоре, с огромным запасом энергии, запевала в хоре, всегда душа общества. Но это одна сторона ее облика. Как она себя показала в дальнейшем, она также была человеком, готовым на большие жертвы. Она как и ее брат Вася стала членом Союза Нового Поколения и как он, когда было нужно для дела, бросила все и пошла в Сов. Союз. Вместе со своим мужем, Георгием Казнаковым, в 1940-ом году она из Румынии перешла в Бессарабию, которая тогда была занята Красной армией. Потом от них было сообщение, что они благополучно добрались до Кишенева. Больше известий не было, — что сталось с ними, так и осталось неизвестно.

Теперь, оглядываясь назад, смотришь на все другими, более трезвыми глазами. Конечно, много было ненужной бравады, по молодости лет лишней самоуверенности, часто неосновательной и раздражающей других нетерпимости, но не будь этих так называемых «Нацмальчиков», нечем было бы вспомнить нам, тогдашней русской молодежи в Югославии — теперь старикам — эти предвоенные годы.

Мать Дурново, сама в прошлом сестра милосердия Добровольческой армии, вырастившая двух сыновей и дочь, умерла одинокая и всеми забытая, несколько лет назад в старческом доме под Парижем.

К слову сказать, мне Никита Дурново писал, что после выхода из концлагеря, перед тем, как быть выпущенным Заграницу, он был направлен в транзитный лагерь для тех, кого собираются выпустить из Сов. Союза. Там он встретил еще одного нашего кадета-крымца, Колю Воинова, а также Марью Дмитриевну Пепескул, игравшую в начале важную роль в Союзе Нового Поколения. Но как видно большевики раздумали их выпустить, т. к. о них позднее ничего не было слышно.

Борис Павлов.

ЗВЕРИАДА XIV ВЫП. (последнего в России) Одесского Вел. Князя Константина Константиновича кад. корпуса, произведенного в Новороссийске, во время эвакуации в Туапсе.

Друзья, уж близок час разлуки,
Ни мне, ни вам не разгадать
Куда забросит нас судьбина,
Где будем век свой коротать.
Среди улан, среди ль гусар,
В рядах ли гвардии лихой,
Иль в кабинетах чинодралов,
Иль незавидной пехтурой...
Друзья, наполним же бокалы!
Пусть влага брызнет и кипит
И пусть сам Вакх в пылу веселья
Союз наш братский закрепит.
Теперь, друзья, пока мы в сборе,
Пока есть время, помянем
Все наши радости и горе
И Звериаду петь начнем.
Темно, темно, темно, темненько!
Священный град Одесса спит
И посреди степей Херсонских
Лишь филин жалобно кричит.
Державной волей Николая
Воздвигнут мрачный монастырь,
Вершиной в небо упирая,
Стоит он словно богатырь.
Но в нем не иноки святые
И не монахи в нем живут,
Тот монастырь по всей России
Одесским корпусом зовут.
В нем мы, отшельники, томились,
Семь лет подряд зубрили, бились!
За то теперь мы юнкера —
Ура! Ура! Ура! Ура!
Прощай же класс наш для науки,
Где мы сидели до весны
И протирали наши брюки
На грязной парте из сосны.

Примечание: Эвакуация в Туапсе произошла ранней весной 1919 года. Повидимому, приведенный выше текст был написан еще зимой 1918 г., когда еще не было речи о сдаче Одессы красным.

Прощай же церковь корпусная,
Мы много раз стояли в ней
И все, конечно, мы желали,
Чтоб служба кончилась скорей.
Прощай столовая ты наша,
И с тараканами бульон,
Прощай же гречневая каша
И с нею жулик эконом.
Прощай же ротный зал кадетский
И безнашивочный мундир!
Здесь запах точно как в мертвецкой,
Здесь тошно зреть на Божий мир!
Прощай еще наш клуб кадетский,
Где долг природе воздаем,
Где курим мы табак турецкий,
Где Звериаду мы поем!
Прощай пустынный тихий карцер,
Тебя я часто посещал,
Сидел там злющий и голодный,
И все на свете проклинал.
Прощай еще наш лазарет,
С служителями, докторами,
Где не жалели нас лечить
И салицилкой угощали!
Прощай урочная система!
Тебя для нас уж больше нет,
Ты нам до черта надоела
И ты годна лишь для кадет.
Прощай и класс наш музыкальный,
Где царство труб и царство нот,
Где человек простой, нормальный,
Побывши день — с ума сойдет.
Прощайте иксы, плюсы, зеты!
Здорово шашки, кивера!
Ура! Мы больше не кадеты,
А молодые юнкера!..
Усердно помоляся Богу,
Кадетам прокричав «ура»,
Прощайте, братцы, нам в дорогу,
А вам уж спать давно пора.

ОДЕССКИЙ ВЕЛ. КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА КАД. КОРПУС.

Под этим названием вышла в прошлом году книга, посвященная истории Одесского кад. корпуса со дня основания в 1899 г. и до конца его существования. Известно, что изданию этой книги сопутствовали большие и неожиданные затруднения, из-за которых она вышла с опозданием в несколько лет. Искренно радуюсь, что одесским кадетам удалось предолеть все препятствия и что книга эта была все же издана. Она будет, несомненно, крупным вкладом в историю наших военно-учебных заведений и появление подобных книг следует всемерно приветствовать, хотя к большому сожалению, очень немногим корпусам и военным училищам удалось в Зарубежье составить и издать свои исторические памятки.

Но необходимо заметить, что подобные книги должны строго соответствовать исторической правде; их содержание должно быть тщательно проверено и освобождено и от фактических ошибок, и от слишком личных взглядов авторов на те или иные вопросы, по которым могут быть различные мнения. Книга об Одесском корпусе, к сожалению, содержит и ошибки, и неправильные выводы. Я говорю, конечно, о том периоде, который прошел перед моими глазами, т. е. о периоде зарубежном. Что касается предыдущих лет, со дня основания в 1899 г. и до конца 1919 г., то об этом я, конечно, судить не имею права, т. к. не был ни участником, ни свидетелем событий этих лет. Но позволю себе лишь одно существенное замечание, которое напрашивается при взгляде на фотографию любимого ротного командира, полк. Самоцвета: под снимком написано, что его звали Матвей Федорович. В тексте, на стр. 269, он назван Матвеем Феофиловичем, на самом же деле его отчество было Феофилактович.

Но часть книги, посвященная пребыванию одесских кадет в Зарубежье, сначала в Панчево, потом в Сараево, имеет много погрешностей. Автором почти всего описания этого периода является один и тот же б. кадет, который несколько раз признает, что многое трудно вспомнить за давностью времени. Если это так, то почему и автор, и создатели книги не обратились к другим кадетам, тоже бывшим в то время и в Панчево и в Сараево? У одного из них, между прочим, сохранился его личный дневник тех времен, а кроме того многие со-

бытия уже были описаны в памятках и в сборниках. К сожалению, в изданной книге нет ни адреса, ни фамилии того, или тех, кто является ответственным редактором. Поэтому, приходится прибегнуть к посредничеству нашей «Переклички», чтобы сделать ряд поправок к описанию зарубежного периода.

Прежде всего, корпус в Сараево никогда не носил названия «Сводно-Киево-Одесского». 10 марта 1920 г., одновременно с назначением ген. Адамовича директором, корпус был наименован «Русским Сводным кад. кор.»; затем, уже в Сараево, 5 авг. 1921 г. — «Русским кад. корпусом в Сербии»; через 15 дней, 20 августа, — «Русским Киево-Одесским кад. кор.», а 1 октября мы получили окончательное наименование «Русского кад. кор. в Королевстве С.Х.С.».

Все эти переименования исходили из Штаба Главнокомандующего, ген. Врангеля, в Севастополе, через его представителя в Константинополе, ген. Лукомского, и Российского Воен. Агента в Белграде, ген. Артамонова. Они были вызваны обстановкой и не являлись личным желанием ген. Адамовича, или же стремлением уничтожить память именно об Одесском корпусе, тем более, что тогда и Киевляне могли бы сказать то же самое об имени своего корпуса. В среде кадет это было понято и не вызвало никаких протестов, хотя разумеется, каждому кадету было горестно сознавать, что его корпус уже не существует и что в Сараево образовался новый, под новым названием.

Точно также ошибочным является утверждение о том, что будто бы еще в Панчево ген. Адамович категорически запретил кадетам носить старые погоны своих корпусов. Прежде всего, никаких других погон не было, во 2-х, только часть кадет носила свои старые погоны, остальные же были в той форме, в которой они приехали в свое время из армии, или же в смешанной форме, составленной из разнообразных предметов одежды. Лично я, например, носил погоны своего 2-го кад. корпуса с серебряными накладными вензелями 2-й роты. Эти погоны очень выделялись именно благодаря этим вензелям, но никогда ген. Адамович не приказал мне их снять, хотя видел меня в них ежедневно.

Однообразные защитные погоны были введены уже в Сараево, после того как в приказе по корпусу за № 142, от 20 авг. 1920 г. нам было объявлено распоряжение ген. Лукомского, где было сказано следующее: «Корпус именовать Русский

Киево-Одесский к. к.; в форме сохранить русскую кокарду и русский погон того или другого цвета, без шифровки». Одновременно, ген. Адамович сообщил, что кажется Королевич-Регент хочет пожаловать корпусу свое Имя и стать нашим Шефом. Хотя по ряду политических и иных причин этого не произошло, но Адамович приказал мне нарисовать проект погона, с вензелем «А» под сербской короной. Погон должен был быть малиновым. Проект был сделан, но не осуществился. Вскоре после этого приказа нам были выданы малиновые погоны, но в обыденной обстановке, внутри корпуса, мы продолжали носить защитные.

Конечно, каждому старому кадету было больно снять погоны своего корпуса, независимо от того, какого они были цвета и с какой шифровкой. Но необходимость этого была понята всеми и не вызывала ни протестов, ни волнений. Могли ли мы волноваться из-за названий и цвета погон, когда в эти дни мы жили надеждой вернуться в Крым и снова войти в ряды нашей доблестной армии?

Но, несмотря на это, вполне понятна горечь одесских кадет, по поводу упразднения не только погон, но и самого имени родного корпуса. Понятно также и желание продлить память о нем хотя бы символически, хотя бы в своей лишь внутренней жизни, продолжая в своей среде нумерацию выпусков так, как если бы это были непрерывные выпуски Одесского корпуса. Но тут мы касаемся одного вопроса, трудно разрешимого, а именно — можно ли именовать кадетами Одесского кад. кор. тех кадет других корпусов, которые были к нему прикомандированы во время гражданской войны, во исполнение известного приказа ген. Деникина? Все мы носили погоны наших старых корпусов (у кого они сохранились); обо мне я уже говорил, но помню также Полочан, Ташкентца, нескольких Сумцов, Полтавцев, кадет 1-го и 2-го Московских корпусов и других. Мы все любили Одесский корпус, жили одной семьей с одесскими кадетами, подчинялись их традициям и делили с ними общие для всех радости и горе... но мы не смотрели на себя, как на Одесских кадет. Так например, Е. Никитин, убитый в бою под Канделем, был в форме своего Ташкентского к. к., в черной шинели с малиновыми погонами, и в кадетской фуражке с таким же околышком и кантами. Можно ли включать его в список кадет Одесского корпуса, ни словом не упомянув его положение прикомандированного, и не указав про его родной корпус?

Также вызывает возражение характеристика ген. Адамовича и его воспитательно-педагогической системы. В этой части книги (стр. 333) есть, безусловно, много правды, но нельзя согласиться с тем, что он будто бы учитывал левые настроения у руководства русской эмиграции в С.Х.С. (автор, вероятно, имел ввиду Державную Комиссию, хотя она нами не «руководила») и хотел сделать из нас подобие «военной гимназии», с более либеральными «штатскими» настроениями ее воспитанников.

Ген. Адамовича можно упрекнуть за очень многое, но уж только не за это! Не в его характере было подделываться под левые настроения, которые тем более противоречили всему складу его мышления. А кроме того, он настойчиво требовал укрепления дисциплины и преследовал всех, кто ее нарушал, неоднократно подчеркивая необходимость сохранения воинского духа и соблюдения всех требований Устава.

Помимо сказанного выше, на разных страницах книги есть много фактических ошибок, которые перечислю кратко.

Стр. 161 — когда 1-й выпуск уехал из Сараево в Крым, в его составе не было никого из 2-го выпуска. Были только прикомандированные два кадета сибиряка.

Стр. 334 — кап. Федоров не ушел из корпуса, после какого-то столкновения с ген. Адамовичем, а сопровождал в Крым наш 1-й выпуск. Возможно, что у него были трения с Адамовичем, но он не был уволен со службы, а отчислен как сопровождающий кадет.

Стр. 330 — ген. Адамович был назначен директором 10 марта 1920 г., а не в августе.

Стр. 335 — в описании двух новых традиций сказано, что во время отхода на румынскую границу, в. фельд. XV вып. проявил находчивость и определял направление, по которому ушел отряд, по степени свежести конского навоза. Такой случай, действительно, был, но «героем» его был кадет 6-го класса П. Голиков, а не в. фельдфебель. Таковой у нас вообще не было и в Одессе никакого производства не было. С того момента, как наши два взвода покинули здание корпуса 25 янв. 1920 г., исп. обяз. вице-фельдфебеля был Н. Тарасенко 1-й, но он не имел никакого отношения к этому случаю. Традиция в Сараево удержалась лишь короткое время, а потом была забыта.

Стр. 336 — описанный парад был 23 сент. 1920 г. по случаю посещения Сараево не королем, а Королевичем-Регентом

Александром. Король Петр тогда был еще жив и скончался лишь осенью 1921 г. Только после этого Королевич Александр стал королем.

Стр. 339 — описание празднования в горах Джурджева Дана, 6 мая 1921 г. Погода была, действительно, дождливая, но автор ошибается, говоря что ни одна воинская часть не пришла из-за дождя, кроме кадет. Наоборот, были все части и я помню, как солдаты танцевали коло, а подофицерская школа полк. Белича нас чем-то кормила под скалами. Эпизод с бросаньем пирогов не помню, да и откуда могли взяться пироги, когда мы вообще даже забыли, как они выглядят!

Последнее, что хотелось бы отметить, это совсем непонятный перечень офицеров-воспитателей во главе выпускных списков, начиная с 1920 г. Вероятно, в эти списки включены офицеры, служившие в корпусе еще в России, но в Сараево не прибывшие. Если это так, то это нужно было бы указать, иначе читателя вводят в заблуждение, указывая фамилии тех, о ком мы вообще даже не слышали. Получается путаница: напр., в моем 1-м отделении 7-го класса (которое считалось одесским) воспитателем был подполк. Н. Н. Клопотовский, Киевского корпуса, но о нем не сказано ни слова. Затем, в качестве воспитателя в нашем выпуске в Сараево, указан лишь один поручик И. Г. Черненко, названный почему-то шт. капитаном, но не сказано, что он был запасным воспитателем и не имел своего отделения.

Можно было бы указать еще на ряд ошибок и искажений в этой второй, зарубежной части книги, но достаточно и сказанного. Наряду с этим, необходимо добавить, что вся первая часть, описывающая период от основания корпуса до января 1920 г., составлена из воспоминаний кадет старых выпусков и проникнута большой любовью к своему родному гнезду. В ней приведены такие подробности, о которых было или мало, или ничего неизвестно. И, поэтому, если закрыть глаза на погрешности во второй части, то следует приветствовать ее появление в свет, рекомендовать ее всем, кто интересуется историей наших корпусов, и признать, что эта книга является достойным памятником славному Одесскому Вел. Князя Константина Константиновича кад. корпусу.

А. Росселевич.

ИЗ ПРОШЛОГО

(Читая Книгу «Одесский Кад. Корпус»)

Я, было, написал отзыв о книге «Одесский Великого Князя Константина Константиновича Кад. Кор.», но, прочтя предыдущую статью на ту же тему, и не хотя повторять те же мысли, позволю себе привести лишь несколько дополнительных воспоминаний.

А Росселевичу, прошедшему с одесситами весь страдный путь от Одессы через Румынию, до Панчево и Сараево — и карты в руки. Фактически, я, может быть, самый младший «одессит». Оставшись без родителей, я (мне было 8 лет) помнил, что был со следующего 1920 года зачислен в Корпус, и туда и явился.

Попал я к полковнику Шеншину в 4-ю роту, как меня назвали, сверхсрочным — мне не хватало нужных лет. Когда началась вся завируха, кто-то нашел мне опекуншу (классную даму Харьковского Института), и в результате я попал в Феодосию, и был причислен к Харьковскому Институту Благородных Девиц, с которым и проделал путь Феодосия-Бургас-Новый-Бечей, где получил вызов «вернуться» в корпус в Панчево, а затем в Сараево.

Первые годы Корпуса я видел «снизу» — из 1-го класса. В корпусе быстрыми темпами налаживалась нормальная жизнь. Нас, младших кадет, угнетало положение в старших классах, мы чувствовали нелады между одесситами и киевлянами, и это снижало их авторитет. Мы видели, что занятые своей розныю и трениями — непонятными нам, они не думали о нас, не уделяли нам должного внимания. А ведь это внимание и создавало тот незаменимый товарищеский дух, так высоко стоявший в наших корпусах.

И к сожалению должен сказать, хоть я себя и чувствовал, м. б. без права, «одесситом», что именно одесситы, более других, были замкнуты в своем кругу, и холодно, даже иногда недружелюбно, относились к остальным кадетам. Киевляне были гораздо более доступны нам и ближе. Это и сказалось впоследствии: первые три «генерала» наших выпусков — были киевляне.

И вот предо мной — Памятка Одесского Корпуса.

Она производит двойственное впечатление: хороший, солидный, интересный подбор материала из истории Одесского

Корпуса, и несерьезные, детские статьи о последнем, зарубежном периоде существования Корпуса. (Нас, «зарубежников», естественно больше всего интересует как раз этот период.) Если бы Памятка была издана в 20-х годах — было бы понятно: свежее, впечатление молодых, горячих голов... Но Памятка издана в 70-х годах, когда некоторые из этих голов украшены сединами.

О самом Корпусе, о младших кадетах, своих так сказать, наследниках и продолжателях, ни слова. Очевидно автор примирился с тем, что с ним кончается история Одесского Корпуса. Есть лишь неодобрительная критика генерала Адамовича. Адамович — особая тема, и к ней нужно будет как нибудь вернуться. Есть разные мнения о нем, но те моменты, которые приведены в памятке, по детски беспомощны. Автор воспоминаний тех лет — видно глубоко штатский человек. В военном периоде моей жизни, несколько раз бывали положения, когда я невольно себя спрашивал: а как бы поступил генерал Адамович, в данном случае? Он был для меня авторитетом, несмотря на то, что в свое время он два раза представлял меня к исключению из Корпуса. Выручал меня оба раза мой воспитатель полковник Азарьев, единственный офицер, не боявшийся возражать Адамовичу.

Первое появление генерала А. в Панчево на автора воспоминаний произвело угнетающее впечатление, а мне — очень понравилось. Адамовичу генерал Врангель поручил подтянуть Корпус (что, конечно, было необходимо), и не вина Адамовича, что «любимый воспитатель» не знал Устава. Нужен был психологический удар. Кадеты его поняли, и почувствовали: «Конец вольнице!» Автор воспоминаний и до сих пор простить не может.

Историю с Джурджевданскими пирогами бросаемыми ген. Адамовичем перед строем, оставляю на совести автора. В те времена по финансовым и кухонным обстоятельствам, о пирогах мы не могли и мечтать, и удовлетворялись простым солдатским хлебом из гарнизонной пекарни и яблоками, которые нам на «уранке» раздали девушки из «Кола Српских Сестара».

Домыслы о «левизне» генерала Адамовича доказывают лишь то, что автор не имеет малейшего понятия о генерале. Это был до мозга костей офицер, немного сухой, но прямой и честный гвардейский офицер старой закалки.

Теперь, по прошествии почти полувека, на все нужно смотреть и ценить глазами взрослого человека с жизненным

опытом. Очень трогательно, когда старик генерал, как реликвию хранит свою фуражку приготовительного класса, но печально, когда он под эту фуражку подгоняет свои мозги или даже только воспоминания.

Все это ушло в далекое прошлое. Любимое прошлое.

Эти воспоминания в Одесской памятке, не касаются непосредственно нас, «азрубежников», но чувство благодарности за глубоко заложенную в нас любовь к Родине, к нашей истории и армии, заставляет меня вступиться за тех, кому мы этим обязаны. Искажение их облика — нам может быть обидным.

А. Родзевич.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Номер журнала со статьей "Мариборские Югославянские Кадеты" удалось с оказией послать автору. В ответ получено следующее письмо: (перевод с хорватского)

Перекличка меня очень приятно удивила и сильно обрадовала. Технически отлично издана и по содержанию очень интересна. Меня удивило, что все фотографии (несмотря на ветхость) хорошо отпечатаны. Позавчера у меня была встреча с одиннадцатью моих товарищей, бывших Мариборских кадет, и я показал им Перекличку. Все были очень приятно удивлены и поневоле предались воспоминаниям и впечатлениям об этих молодых днях, проведенных в Мариборе и встречах с русскими кадетами.

Мы восхищаемся, что после стольких лет и далеко от своего дорогого Отечества — России, Вам удается поддерживать традиции и периодические встречи, а также издавать такой хороший журнал.

Х.

11 сентября 1975.

Дорогой Павлуша!

В порядке наших личных добрых отношений хочу сообщить Вам, что помещенная Вами в № 11 «Кадетской Переклички» статья «ГРОБОВЩИКИ» произвела на многих старых воспитанников П. С. Молчанова и Ф. И. Миляшкевича очень неприятное и тягостное впечатление, еще более усиленное тем, что автор сокрыл свое имя за анонимными инициалами. Конечно, это набросило некоторую тень и на Вас, как редактора.

Лично я знал их обоих с 1909 года, будучи их воспитанником. К нам, в Одесский корпус, они прибыли из Ярославского корпуса, почему и получили прозвище «Ярославские дружки». На правой стороне у них обоих были ученые значки — они окончили историко-филологический факультет знаменитого Юрьевского университета (Дерпт). Прибыли они к нам в чине капитана и впоследствии были произведены в штаб-офицерский чин.

Оба они были не только прекрасными преподавателями, но просто фанатиками вверенного им дела, которому отдавали свои силы и знания и даже свой досуг. Один из них, Феодор Иосафатович Миляшкевич, был болен туберкулезом, и часто болел. В этих случаях Пантелеймон Сергеевич Молчанов, помимо своих уроков, замещал уроки своего больного друга. У них была своя система, в результате которой своих воспитанников они делали хорошо грамотными людьми, в младших классах, а в старших давали широкие познания в русской литературе. Во всех событиях, выпавших на долю нашего Одесского корпуса, они всегда и неизменно были с корпусом.

Нельзя не упомянуть о том, что они были ценимы Великим Князем Константином Константиновичем. Имею возможность привести выдержку из письма одного из питомцев П. С. Молчанова:

«Твоя просьба сообщить о посещении Великим Князем Константином Константиновичем урока русского языка в нашем отделении. Я помню хорошо этот случай, т. к. Великий Князь сел на нашу парту и мне пришлось придвинуться к Митяйке Максутову вплотную. Было ли это в 6 или 7 классе сейчас не помню... В это время полковник Молчанов поспешил посадить, ранее вызванного кадета, и вызвал Максутова, который прочел наизусть не то кусок из «Евгения Онегина», а может быть «Бориса Годунова» и, после еще каких-то вопросов посадил Максутова, сказав «Ваше Императорское Высочество, я нахожу ответ кадета Максутова отличным и ставлю ему 12 балов». Тогда Великий Князь ответил, что Он находит, что Максутов отвечал прекрасно и ставит ему 13, попросил классный журнал и против фамилии Максутова поставил цифру 13».

По существу это была оценка не только кадета Максутова, но и его преподавателя П. С. Молчанова.

Во имя ПРАВДЫ и СПРАВЕДЛИВОСТИ, сохраняя и оберегая светлую память этих исключительных и достойнейших старых Российских педагогов П. С. Молчанова и Ф. И. Ми-

ляшкевича, прошу не отказать поместить в следующем номере «Кадетской Переклички» настоящее письмо. Таким путем мне хочется восстановить бесспорно заслуженную ими добрую память об этих и моих и Ваших достойных преподавателях.

Крепко жму руку, искренне Ваш
П. Шеншин.

Маракай, Венесуэла, 25/9/1975 г.

Редактору журнала «Кадетская Перекличка» П. В. Олферьеву

Дорогой Павлуша! Большое спасибо за присланное письмо П. П. Шеншина по поводу моей статейки «Гробовщики» в №11 Переклички.

Глубоко сожалею, что написанное мною было принято бывшими воспитанниками П. С. Молчанова и Ф. И. Миляшкевича как оскорбление их памяти. Думаю, что весь дух мною написанного показывает мои личные чувства и симпатии и уважения к этим, действительно отличным, преподавателям.

Видимо главная критика моей статьи сводится к выраженному мною сомнению в их чине полковника и предположении, что имели они соответственно такой же чин, но по гражданскому ведомству. Должен признаться, что сомнение у меня остается.

Порядки Императорской России знаю лишь по литературе и рассказам и могу ошибиться, но возможность делать военную карьеру на должности преподавателя для меня сомнительна. Впрочем, не спорю.

Очень прошу Тебя в очередном номере «Переклички» объявить мою фамилию и тем снять с себя, как редактора, ответственность за мною написанное.

Искренне Твой
Владимир Бодиско
кадет Крымского и 1 Русского
Кадетских Корпусов, выпуска 1930 г.

Брюссель, Бельгия, 15/9/1975 г.

П. В. Олферьеву, редактору «Кадетской Переклички»
Нью-Йорк

Дорогой Павел Васильевич, при сем прилагаю протест против статьи б. кадета 3-го выпуска Бориса Критского в памятке Одесского В. К. Константина Константиновича Кадетского Корпуса, в которой он выставил личность нашего Директора ген.-лейтенанта Б. В. Адамовича в неправдивом и нехорошем виде.

У нас есть поговорка: «врать, как на мертвого». Наш Директор уже давно умер и это дело нас, его воспитанников, сберегать его память. Мы бывшие кадеты, подписавшие протест, просим поместить его в ближайшем номере нашего кадетского журнала «Кадетская Перекличка».

Заранее Тебя благодарим и уверены, что все бывшие кадеты ген.-лейтенанта Адамовича разделяют наше возмущение.

Г. Гуторович.

Получили и с удовольствием прочли прекрасно изданную памятку Одесского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса, но последние страницы, где кадет 3-го выпуска Б. Крицкий говорит о г.-л. Адамовиче, произвели на нас тяжелое впечатленье...

Читая их, создается впечатление, что б. кадет Б. К. сводит личные счеты с умершим почти 40 лет тому назад Директором Корпуса.

Если можно было быть несогласным с некоторыми решениями Директора, это еще не значит, что он был не прав, то его любовь к кадетам, высота, на которую он поставил Корпус, постоянные заботы об улучшении жизни, внушение любви к Родине и поднятие престижа кадет и христианское чувство к покойному, последняя мысль которого была о кадетах, то все это должно было бы остановить б. кадета от наложения тени на светлую память г.-л. Адамовича.

На странице 389 Б. К. описывает личные отношения с Директором Корпуса и инцидент с кап. Федоровым; очевидно это было до моего (Гуторовича) приезда из Болгарии в Панчево, т. к. я это не помню, но я помню то о чем Б. К. не говорит ни слова — это поднятое кад. Боговичем движение: «не хочу

учиться, а хочу ехать воевать в Крым!» Утром кадеты не ответили на приветсвие г.-л. Адамовича, которое он повторил. Когда он узнал в чем дело, то вызвал из Белграда Военного Агента и кадет вызывали по одиночке. 22 кадета настаивали на их отправке в Крым, что г.-л. Адамович и сделал.

Зная, кто был новый Директор, смешно утверждать, что кадеты думали, что он был назначен довольно левой Державной Комиссией. Сам г.-л. Адамович нам рассказывал при каких обстоятельствах он был назначен Директором и я имел подтверждение этому позже, когда бывал на праздниках О.К.О. в Париже, где полк. Звонников мне всегда говорил, что кадеты нашего О-ия должны быть ему благодарны за то, что он нашел нам такого Директора!

На стр. 330 Б. К. говорит о знамени Киевского Корпуса, забытом с багажом в порту Одессы! Я был в киевском отделении, но никогда об этом не слышал. Рассказывали, что знамя было разделено между старшими кадетами и, действительно, у С. Лебедева в Белграде был кусочек знамени, а уже в Бельгии я получил от кадета киевлянина из Канады ниточки знамени, которые вшиты в наш Знаменный Флаг.

На стр. 331 Б. К. ставит в упрек Директору, что он приказал кадетам снять погоны их Корпусов и заменил защитными. Ведь это уже не был сводный корпус всех Российских Корпусов.

На стр. 333 Б. К. проводит совершенно излишнюю параллель между г.-л. Родкевичем и г.-л. Адамовичем. Первый был директором Императорского Корпуса, а второй был директором Сводного Корпуса с кадетской «вольницей», из которой многие побывали на фронте, да с Офицерами воспитателями и преподавателями двух разных Корпусов. Кроме того г.-л. Родкевич, быв. Инспектор Елизаветградского Военного Кавалерийского У-ща, мог только поощрять заимствованный из его Южной Школы Одесским Корпусом «цук», тогда как г.-л. Адамович хотел его вывести и оставить только обще-кадетские традиции. Вот на почве непризнания «цука» частью кадет и произошел раскол в Корпусе. Думать же, что г.-л. Адамович собирался провести «милютинскую» реформу в Корпусе — это совершенный абсурд!

Б. К. говорит, что Корпус был разбит на 4 роты и «выпускной взвод»? и ни слова о 1-ом выпуске и его отъезде в Крым! А ведь в нем было около 50 кадет! Если III выпуск был «не-

доучками», как говорит Б. К., то этого нельзя сказать о нашем II!

Стр. 336 — Б. К. не теряет предлога злостно насмехаться «над лихим кавалерийским видом г.-л. Адамовича». Эта критика б. кад. Б. К., который вероятно, в своей жизни не стоял рядом с конем, совершенно НЕСПРАВЕДЛИВА!! Наверно, г.-л. Адамович, за время своей службы в Л. Гв. Гексгольмском Полку, имел в своем распоряжении коня и я уже не говорю о нем в бытность Начальником Виленского Военного У-ща! Все кадеты, делавшие с Директором прогулки верхом: П. Марков, П. Михайловский, Н. Шпренглевский и Г. Поляков, а также солдаты сербы в манеже, находили, что он ездил хорошо.

339 стр. В 1921 г. в Апреле м-це мы были в I роте и ни на каком «утре св. Георгия» не были и никакой сцены с пирогами не видели! Совершенно недопустимо утверждение, что Директор продержал под дождем кадет ввиде наказания и затем нарочно поставил в зале на сквозном ветру!!! Зная заботы и любовь г.-л. Адамовича к кадетам,даже НЕВОЗМОЖНО себе этого представить!! Лучше бы Б. К. прочел памятку № 5, посвященную памяти Основателя и Директора нашего Корпуса, изданную в 1937 г. в Белой Церкви. В ней Офицеры Воспитатели и Кадеты, прозой и стихами, отдают должное заслугам г.-л. Адамовича перед Русской эмиграцией и Национальной Россией.

Нельзя без волненья читать его 67 Заветов Кадетам, в которые он вложил всю свою душу и показал какими достоинствами должен был обладать в его глазах хороший Кадет. Как грустны и трогательны строки Директора Корпуса ген. А. Попова, А. Азарьева, М. Левитского, В. Скалона, П. Барышева, Н. Ротштейна, в.у.о. Росселевича, 2-го в., А. Неймирок X в. С. Бубнов XIII в. в. ф. Г. Левчук 17 в. к. VIII кл. Б. Плотников. Стихи к. 17 в. в. В. Соболевского, П. Барышева, речь на торж. Заседании в Белграде Перфильева VIII в., речь г.-м. Н. Запольского на освящении памятника.

Наш Директор не забывал своих быв. воспитанников и заботился о нас, первых студентах, кончивших Корпус в 1921 г., посещал нас в студенческом общежитии в Белграде и подолгу беседовал с нами. Когда же мы основали в 1925 г. кадетское О-ие в Бельгии, наш Директор, занятый делами Корпуса и борьбой за его существование, не имея своей личной жизни,

находил время переписываться с нами о чем свидетельствуют написанные им письма до 4-х страниц, хранящиеся в архиве нашего О-ия. Он принимал к сердцу наши университетские успехи и неудачи и давал советы, помогая нам всем идти по прямой дороге.

Читая суждения б. кад. Б. К. о г.-л. Адамовиче, написанные через столько лет после его смерти, можно просто удивляться столь продолжительному злопамятству!

В.у.о. Ф. Шимкович II вып.
В.у.о. Г. Гуторович II вып.
В.у.о. П. Борисенко IV вып.
Кадет И. Ветров VII вып.
В. ф. Е. Иванов VIII вып.

"ЧАСОВОЙ" №№ 588-589
Июнь-Июль 1975 г.

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

№ 10. Журнал Об-ния Кадет Рос. Зар. Корпусов. Н. Йорк.

Этот выпуск кадетского журнала почти целиком посвящен светлой памяти Короля Югославии Александра I, справедливо названного "защитником и покровителем русской эмиграции и благодетелем русской молодежи. Этот Монарх, не в пример другим правителям мира сего, никогда не забывал своей дружбы к России и понесенных ею жертв для спасения Сербии, когда наш Покойный Государь, на вопрос о том, мог ли Он избежать войны, ответил: "Я мог избежать войны, если бы хотел совершить акт предательства по отношению Сербии и Франции, но это не в Моем характере...

Особенно интересна и исторически ценна статья Пав. Паг. о Марсельском злодеянии, где были допущены совершенно вопиющие небрежности со стороны французских властей, так облегчившие задачу убийцы-исполнителя. Организаторы же убийства, хорватский "поглавник" Павелич и его высокие иностранные покровители остались безнаказанными. Рассчет их был на расчленение Югославии. Тогда они просчитались и только позже, с помощью немецко-итальянских войск, создалась независимая Хорватия с кровавым режимом Павелича.

Трудно сказать, что произошло бы, если бы король Александр остался жив. Его государственный ум и твердая воля могли бы совершенно изменить положение на Балканах, а следовательно и ход 2-й мировой войны.

В журнале воспоминания о Мариинском Донском Институте и статьи Памяти ушедших.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSE MILITAIRE
61, rue Chardon-Lagache
Paris 16 (France)

ОТ РЕДАКТОРА

С тяжелым чувством я обращаюсь к вам, дорогие сотрудники, подписчики и читатели "ВОЕННОЙ БЫЛИ".

ЭТОТ 129-й номер будет ПОСЛЕДНИМ номером выходившего 24 года нашего журнала. Нелегко мне было решиться на этот шаг но все возрастающие материальные трудности и мое пошатнувшееся здоровье вынуждают меня прекратить выход нашего журнала.

Я знаю что многих это известие опечалит, но твердо надеюсь, что никто не осудит меня за это решение и постарается правильно понять.

В последние годы я уже неоднократно писал о трудном финансовом положении журнала и обращался с призывом помочь. И многие откликались в меру сил, помогали, что, в какой то степени, помогло мне выпустить еще несколько очередных номеров. Но дальше так продолжаться не может. Слишком большие деньги еще потребуются в будущем, совершенно неизвестно даже какие, при все растущих ценах. Нужны были бы еще многие и многие новые подписчики, а, наоборот, с годами их становится все меньше и меньше.

Кроме нормальной редакторской работы, с самого основания журнала вот уже почти 24 года вся административная работа, финансоая часть и прочее лежали на мне одном... Переживаемые моим детищем — журналом трудности, связанные с ними волнения и заботы, да и немалые уже, мои годы сильно подточили мое здоровье, и я не в силах работать так, как работал все эти долгие годы и как мне следовало бы работать, для того чтобы продолжать вести журнал.

Заканчивая издание "ВОЕННОЙ БЫЛИ", я мысленным взором окидываю содержание всех номеров, от первого до последнего, и вижу сколько было сделано за это время всеми, кто потрудился со мной на этом поле, широком и обширном поле русской военной истории. Всем сотрудникам журнала мой низкий и сердечный поклон. Придет время, и наш общий труд будет оценен русскими военными историками. Многое из военного прошлого России запечатлено правдиво и уже навсегда. Напечатанные статьи и заметки вносят свою каплю труда в восстановление истинного хода больших исторических событий и дают им, как мне кажется, правильную оценку. Они знакомят читателя с подлинным бытом и жизнью русской военной среды, дают ценные сведения о часто малоизвестных особенностях формы, орденов, медалей и прочих знаков отличия Российской армии и флота. В свое время все это будет ценнейшим материалом для будущих военных писателей и историков, когда настанет время восстанавливать истинный лик военной истории на нашей родине.

"ВОЕННАЯ БЫЛЬ", это наш вклад в великое дело строительства России, и мы уверены что вся наша работа была проделана нами недаром и пусть это сознание нам послужит большим удовлетворением.

Моему верному помощнику Константину Михайловичу Перепеловскому, дорогим бескорыстным сотрудникам журнала, его представителям, в особенности неизменному почти с основания журнала Георгию Александровичу Куторга, глубокоуважаемой Александре Федоровне Серебряковой, верному другу журнала, несшему на себе всю тяжесть переводов и правку статей нашего французского отдела, всему техническому составу 1-й Украинской типографии в Париже, во главе с ее директором, в течение многих лет работавшим с нами и всегда шедшим навстречу всем нашим пожеланиям и, кроме журнала, напечатавшим свыше двадцати изданных нами брошюр и книг.

Всем вам, мои дорогие друзья по журналу, помогшим мне осуществить нелегкую работу, задуманную мною почти четверть века тому назад и ныне только силою внешних обстоятельств остановленную, я посылаю мой прощальный привет и самую искреннюю благодарность за оказанную мне ценнейшую помощь в трудном деле, начатом мною и осуществленном исключительно благодаря вашей ценной помощи и поддержке.

Алексей Геринг.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

ПАМЯТИ ИНЖЕНЕРА Н. И. БАСОВА

28 июля 1975 г. после тяжелой болезни скончался в Монреале (Канада)

Николай Иванович БАСОВ

Кадет Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса, член ОКО и корректор журнала «Кадетская Перекличка».

Покойный родился 30 ноября 1903 г. в Новочеркасске, в семье офицера И. В. и В. П. Басовых. В детстве получил строгое воспитание от бабки со стороны отца, о которой всю жизнь с любовью вспоминал. Учился в Донском Императора Александра III Кадетском Корпусе. Во время гражданской войны попал в Корниловский ударный полк, с которым проделал Кубанский поход и за храбрость был награжден Георгиевским крестом. Всю жизнь потом носил и корниловский знак — Терновый венец пронзенный мечем. При отступлении попал в Атаманское училище и с ним в Крым. По приказу Главнокомандующего, для продолжения образования, был отчислен и отправлен в Донской Корпус в Евпатории. В 1920 году был принят в четвертый класс.

Аттестат зрелости за 7 классов получил в Югославии и после этого уехал в Прагу где и закончил Пражский Политехникум и получил диплом инженера.

В 1942 г. был послан в Линц, Австрию, как инженер на железной дороге.

В 1948 г. с семьей переезжает в Канаду, в Монреаль где и прожил до самой своей кончины.

Похоронен в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (США).

Супруге покойного Марии Ильинишне, дочери Лидии, зятю Александру Перекрестову и внукам выражаем наше глубокое соболезнование.

Вечная память и вечный покой однокашнику, сотруднику и другу.

НЕКРОЛОГ.

27-го августа с. г. в 11.30 часов ночи, после продолжительной и тяжелой болезни, скончался долголетний Председатель ОКО в г. Монреале — Канада,

Евгений Митрофанович РУБАНИСТЫЙ.

Покойный родился в декабре 1908 года в г. Митава. Начал свое образование в реальном училище в г. Умань. Выехав мальчиком из России после оставления Ее Белой Армией, Женя с родителями и сестрой нашли приют в Королевстве СХС, где продолжил учение в Донском Имп. Александра III кад. Корпусе, пробыв в нем до 5-го класса. В 1928 году был переведен в Крымский кадетский Корпус в Белую Церковь, закончив среднее образование в Вел. Кн. Конст. Константиновича кадетском Корпусе.

Всегда спокойный, выдержанный, с вечной улыбкой на лице, верный товарищ, сыскал в кадетской Семье доброе имя, уважение и любовь, а в тяжелые студенческие годы показал себя, как искренний друг.

При формировании Русского Корпуса во время 2-ой мировой войны, вступил в него добровольцем в 1-й юнкерский б-он 1-го полка и в дальнейшем, по окончании офицерской школы, был произведен в лейтенанты.

После конца войны попал в Бельгию, работал тяжело в шахте, где подорвал свое крепкое здоровье. Переехав с семьей в Канаду, был одним из организаторов ОКО в Монреале и ревностным деятелем организации 1-го Кадетского Съезда в 1967 году, для которого положил много труда и стараний совместно со своими верными помощниками.

Кадет душой и сердцем, сохранивший любовь к кадетской Семье, Женя никогда не оставлял в беде своих однокашников, для чего устраивал ежегодно вечера и лотереи, находя этим средства для помощи нуждающимся.

Здоровие его ухудшалось, но он, несмотря на это, считал своим долгом не пропустить ни один Кадетский Съезд. После последней поездки простудился, и это было началом конца дорогого Друга-Кадета. Вся кадетская Семья, как в Канаде, так и в США приняла участие в тяжелой болезни Жени Рубанистова, а в особенности его искренний друг, — Женя Ляшенко, который взял больного сначала к себе, а затем уже в больнице до последней минуты старался помочь физически и морально Марии Александровне в то тяжелое время для нее.

Насколько Женя Рубанистый был дорог своим однокашникам, показали торжественные похороны Друга-Кадета. Парные часовые у гроба, возложение венков и цветов, много Друзей, знакомых и сослуживцев, пришедших проводить усопшего и сказать последнее «прости». Чин отпевания и погребения совершили священники храма, и прибывший в это время из Австралии, протоиерей о. Димитрий Симонов, — кадет Крымского кадетского Корпуса.

Спи спокойно дорогой Друг, да упокоит Господь Твою светлую Душу в Селениях Праведников.

Марии Александровне, Татьяне Митрофановне и родственникам мы, Друзья и однокашники дорогого Жени, выражаем глубокое соболезнование в их тяжелой утрате.

Александр Политанский.

ПАМЯТИ ЖЕНИ РУБАНИСТОГО

Ушел наш Женя. С трудом верится, но с душевной скорбью приходится смириться с фактом, что осиротело наше Монреальское Объединение.

Двадцать три года тому назад нас несколько кадет приехало сюда и мы решили организовать Объединение, но нам сказали что Женя Рубанистый опередил нас и уже этим занимается.

Таким образом мы встретились с Женей, заложили основание нашему Объединению и, за исключением нескольких лет, он был во главе его.

Последнее время трудно было разделить в нашем представлении Женю и столь дорогое ему Объединение.

Я уверен, что Женя тоже не представлял себе свою жизнь без или вне его и оно было важной и неотложной частью его существования.

Вложив в Объединение и кадетское дело так много любви, он сумел вести его мудро почти до конца своих дней.

Непоколебимые принципы как-то упрощали его работу. Все бывало ясно, четко и очень редко появлялись сомнения по поводу какого-нибудь решения.

Будучи чутким человеком, он знал нас всех как своих братьев. Знал кому что поручить и знал тоже кого пожурить.

Женя был исключительно тонким дипломатом, что помогало ему держать наше Объединение в целости все эти долгие годы, несмотря на наши иногда личные разногласия или наружные влияния и обстоятельства. Как-то всегда успокаивающе действовало сознание, что у нас есть Женя. За ним чувствовали себя как за каменной стеной.

Женя был большой доброты человек и всегда был отзывчив к беде товарища. Никогда никому не отказывал в помощи и всегда подталкивал нас остальных на это.

Женя поддерживал постоянную связь со всеми Объединениями, а также и с отдельными лицами, в результате чего его знали всюду и очень уважали. Не стоит и говорить, конечно, о его глубоких, сердечных и теплых отношениях к своим друзьям, которых у него было много.

Женя не пропустил ни одного случая встретиться и побыть со своим кадетами-однокашниками и благодаря его мягкости и уютности его не могли не любить.

Кадетское дело ему было очень дорого и он вкладывал в него массу энергии, не жалея своих сил. Многим ему обязано не только наше Объединение в Монреале, но кадеты вообще.

Вот почему когда разнеслась весть о его болезни, друзья и однокашники отовсюду неудержимо бросились на помощь, а затем приехали издалека трогательно попрощаться, выразить свое соболезнование и проводить его со слезами в последний путь.

В нашем кадетском деле Женя Рубанистый был величиной и он у нас останется вечно в памяти.

Председатель Объединения Георгий П. Левчук.

21 июня 1975 г. скончался

Михаил Иванович
СЛИВИЦКИЙ.

Покойный родился в Змееве, учился в Полтавском Корпусе, а закончил Крымский Кад. Корпус в 1924 году.

Михаил Иванович был необыкновенно религиозным, отзывчивым и доброй души человеком. Точный и исполнительный, терпеливый и трудолюбивый он всегда достигал во всем полного успеха и поощрения начальства за свою безукоризненную работу.

Покойный был женат на Харьковской институтке Марии Ивановне Цуркан и после смерти болезненной жены в 1959 г. остался совершенно одиноким. Под конец своей жизни сам много и часто болел. Искренние друзья покойного скорбят о безвременной кончине дорогого друга.

Вечная память честному кадету-труженику.

Похоронен на кладбище монастыря Ново Дивеево рядом с женой.

В городе Каракасе (Венецуэла) 6 сентября с. г. скончался кадет Владикавказского и Крымского Кадетских Корпусов

АЛЕКСАНДР ЧЕРНОУСОВ

Мир праху Его.

В штате Нью-Йорк скоропостижно скончался доктор медицыны

ЕВГЕНИЙ КОШАРА

12 вып. Русского Кадетского Корпуса.
Похоронен на кладбище монастыря Ново Дивеево.

В Иерусалиме скоропостижно скончался протодиакон Миссии

о. ГЕОРГИЙ АРИСТОВ

Кадет Донского Императора Александра III кад. Корпуса.

ПАМЯТИ ОДНОКАШНИКА И ДРУГА.

От имени Правления ОКО и от себя лично сообщаю о большой, невозместимой утрате, которую понесло Объединение.

13 июля 1975 г. после продолжительной и тяжкой болезни скончался секретарь и долголетний член Объединения, кадет Крымского Кад. Кор. вып. 1926 г.

Инженер Георгий Александрович КУЛЬБИЦКИЙ.

Покойный родился 22 марта 1906 г. в г. Пятигорске Терской Области и происходил из военно-казачьей семьи.

Образование начал в Тифлиском В. Кн. Михаила Николаевича Кад. Кор., но вскоре перевелся во Владикавказский Кад. Корпус, с которым прошел всю эпопею отступления 1920 г. из Владикавказа по Военно-Грузинской дороге в Грузию, а затем в Крым в г. Орианду, где вошел в состав, вновь сформированного, приказом Ген. Врангеля, Крымского Кадетского Корпуса, который, в свою очередь, покинул родную землю и прибыл в Королевство С.Х.С. в лагерь Стрнище.

По окончании Корпуса Жорж поступает на технический факультет Белградского Университета и отлично оканчивает его с дипломом инженера архитектора в 1934 году. Благодаря своим исключительным способностям получает место в известной фирме Батиньоль, принимает участие в известных постройках того времени, как Савский мост, рафинерия Смедерево, аэродромы и т. д. До самого своего отъезда из Югославии не оставляет своей любимой профессии.

По приезде в Аргентину Жорж, до последнего дня занимается строительством и несмотря на свою исключительную скромность создал себе имя крупного знатока своего дела, как среди своих соотечественников, так и среди аргентинцев.

Одновременно с кипучей деятельностью по своей специальности он никогда не забывал наших кадетских традиций, и всегда принимал деятельное участие в жизни Объединения в особенности в последнее время приняв на себя должность секретаря.

Отпевание при большом стечении кадет, институток и друзей покойного состоялось в храме Св. Сергия Радонежского и совершили его о. Сергий Иванов, кадет Донского Кад. Корпуса и о. Владимир Шленев, кадет 1-го Русского Вел. Кн. Конст. Конст. Кад. К-са.

ОКО в Аргентине приносит самое искреннее соболезнование вдове покойного Татьяне Николаевне и сыну Георгию, которого просит, всегда помнить и быть, как его отец, наш незабвенный Жорж, до последних дней верным кадетским традициям и нашему завету: «РАССЕЯНЫ, НО НЕ РАСТОРГНУТЫ».

Сергей Шпаковский
Крымского Кадетского Корпуса
Вып. 1927 г.

НЕКРОЛОГ.

17-го августа с. г. от инфарта сердца неожиданно скончался кадет Донского Имп. Александра III кадетского Корпуса, Светлейший князь, Мингренский, АМВРОСИЙ ДАДИАНИ.

Родился покойный 20-го декабря 1919 года в г. Константинополе. Переехав с родителями в Югославию, в 1930 году поступил в Корпус, где пробыл недолгое время, т. к. после смерти отца был вызван Королем Александром I Карагеоргиевичем в Белград для Своего милостивого покровительства, т. к. являлся однокашником отца Амвросия по Пажескому кадетскому Корпусу и Крестным Отцом сына. При крестинах, Его Величество надел на Своего крестника большой золотой крестильный крест. Проходя курс серднего образования в Белградской Русской гимназии, Амвросий имел счастье посещать дворец и беседовать с Его Величеством.

После 2-й мировой войны Амвросий попал в Италию, а потом с супругой и родственниками выехал в Бразилию, где работал в большом электрическом предприятии.

По своей натуре скромный, но деятельный в работе, доброжелательный, отзывчивый, больших моральных устоев семьянин, Амвросий сыскал себе любовь, уважение и внимание не только семьи, для которой был мужем, отцом и братом, но и к лицам окружающим его.

Неожиданная смерть этого хорошего человека принесла всем большое горе. Много Друзей, знакомых и сослуживцев пришли проводить усопшего в его последний земной путь.

Мир Праху Твоему дорогой Друг — однокашник!

Юлии Иеронимовне и родственникам, Кадетское Объединение в Сан Пауло, приносит искреннее соболезнование в их неутешном горе. *А. Политанский.*

НЕКРОЛОГ.

4 сентября 1975 г., в г. Сан Пауло — Бразилия, на 74 году жизни, скончался от эмфиземы легких корнет 5-го Уланского Литовского полка,

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВИКТОРОВ.

Покойный родился в 1901 году в г. Симбирске. По окончании Симбирского Кад. Кор. вступил в Добровольческую Армию адм. Колчака, где прошел курс Оренбургского Казачьего Воен. Училища, выйдя в 5-й Уланский Литовский полк, с которым в рядах Армии ген. Каппеля, прошел Ледяной поход и все бои, будучи отмеченным медалью за Поход и двумя Георгиевскими крестами за храбрость.

При отходе Армии к границе Китая, с конными частями вошел в отряды атамана Семенова, продолжая бороться с большевиками. В дальнейшем, пробравшись с конным отрядом к Приморью, участвовал во всех боях от Владивостока до Манджурской границы. В ожесточенных боях под Вологаевском, о котором большевики сложили песню, был ранен, остался в строю и получил третий Георгиевский крест.

В 1922 г. с остатками конного отряда перешел границу Манджурии у станции Пограничная и был интернирован Китайскими властями в селе Яблоня. В Китае прожил до 1957 г., занимаясь коммерцией, так же как и в Бразилии, куда приехал в 1957 г. Был действительным и активным Членом О.-К. О-ния, в котором оставался до конца своей жизни.

Приветливый, отзывчивый, верный Кадетской Семье Однокашник, по своим взглядам и Идее, — единомышленник Об-ва Св. Бл. и Вел. Кн. Александра Невского, уважаемый всеми кто его знал, Михаил Александрович оставил о себе добрую память и печаль, о тяжелой утрате нами Друга — Кадета и верного России Белого Воина.

Похоронен в Кадетском склепе при множестве Друзей, однокашников и сослуживцев, отдавших ему последнее «Прости».

Мир праху Твоему дорогой Миша!

Супруге и родственникам, Члены ОКО приносят глубокое соболезнование. Пусть Господь даст им сил как можно легче перенести тяжелую утрату.

А. Политанский.

НА СВЕЖУЮ МОГИЛУ ДОРОГОГО ДРУГА.

12-го октября с. г. О.К.О. в Сан Франсциско постигло великое горе... Ушел от нас в лучший мир многолетний секретарь Объединения —

ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУТОРГА,

кадет Орловского Бахтина и Крымского Кадетских Корпусов, а также, окончивший Николаевское Кавалерийское Училище в Белой Церкви, с выпуском в чине корнета в Черниговский, Великого Князя Михаила Александровича, 17-ый Гусарский полк.

Жорж, как мы его называли, был исключительно преданным Кадетскому делу. Как секретарь О.К.О., был безукоризненно аккуратным, исполнительным в высшей степени тактичным. Он был настолько исключительным работником, что при выборах Правления, А. С. Громыко соглашался оставаться Председателем, если только Жорж останется секретарем.

После ухода Жоржа с поста секретаря, О.К.О. в знак признательности поднесло ему адрес в красивой папке с нашим значком и погонами его Корпусов, а также два серебряных кубка, с надписями: «Жоржу» и «Лиде» (его супруге) от О.К.О.

Дорогой Жорж!

Твои однокашники, члены Обще-Кадетского Объединения в городе Сан-Франциско выражают тебе свою глубокую признательность и благодарность за многолетнюю жертвенную работу для кадетства.

Своим горением кадетской идеей ты поддерживал и укреплял спайку в нашей кадетской семье, показывая всем нам пример, каким должен быть каждый бывший кадет, сохранивший в своем сердце заветы родного корпуса.

А. Громыко
О.К.О.

Чин отпевания был особенно торжественный. Служили Архиепископ Антоний (его однокашник по К.К.), протоиерей отец Филарет, о. Константин и о. Димитрий (Симонов тоже его однокашник по К. К.), находящийся здесь в отпуску из Австралии, пел хор кдает. Трехцветный Русский флаг покры-

вал гроб. Было много венков и цветов. Стоял почетный караул от кадет, от Общества Ветеранов, от Николаевского Кавалерийского Училища и Черниговцев во граве с генераром В. Н. Выгран. Пришли отдать последний христианский долг более 100 человек, главным образом кадеты, «слиться в одно братское моленье» за упокой души раба Божьего Георгия.

Да упокоит его душу Господь в селениях Праведных!

Вечная Память!

А. Г.

В Калифорнии скончалась классная дама Мариинского Донского Института

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ШЕНШИНА.

Выражаем искреннее соболезнование супругу, капитану П. П. Шеншину, б. эконому последнего Корпуса, и дочери покойной с семьей.

Ежемесячный иллюстрированный журнал
Союза чинов Русского Корпуса.
Подписная плата — 12 долларов в год.
Адрес:

"Nashi Vesti"
P. O. Box 67
Flushing, N. Y. 11352.

Printed by "Monastery Press" — 8011 Champagneur Ave., Montreal, Que. Canada

Printed by "Monastery Press", 8011 Champagneur Ave., Montreal, Que. Canada.